

18+

РЕЖИССТВОМ КРАМЕРА • ТОМ ВТОРОЙ

Каратель

Иван
Тропов

Иван Тропов

Каратель

«Издательские решения»

Тропов И.

Каратель / И. Тропов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939042-4

Он потерял все. Теперь он сам загнанный зверь, и у него совсем немного времени до смерти...Его последние силы — жажда мести. Его последний шанс — сделать своим оружием пленницу. Одну из них: безжалостную, бессмертную, безупречно прекрасную... и бесконечно хитрую? Кто у кого в плену?

ISBN 978-5-44-939042-4

© Тропов И.
© Издательские решения

Содержание

I. ПЛЕН	6
II. ДИАНА	22
III. ТУМАН	39
IV. ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Каратель

Иван Тропов

© Иван Тропов, 2020

ISBN 978-5-4493-9042-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

І. ПЛЕН

Ослепительно белые фары налетают и проносятся мимо, за ними сама машина, черный «мерин» с пурпурным отливом, а за ним снова фары, и снова, и снова, и снова. Длинная колонна из восьми одинаковых машин несется по шоссе, сверху давят низкие тучи, рыжеватые от придорожных фонарей.

Скорость далеко за сотню, но машины идут справа, по самому краю шоссе. Не притормаживая на перекрестках и съездах, не замечая светофоров, рискуя получить прокол на обочинах, полных битого стекла, – и получая проколы, но шины с кольцевыми вставками выдержат еще несколько часов, а потом их поменяют на новые, не проблема.

Дорожные патрульные вскидывают головы, но кто-то сразу замечает номера, морщится и мрачно сплевывает. Кто-то упрямее, решает вмешаться – и вдруг деревенеет лицом, будто видит сон наяву, а когда наваждение проходит, и он встряхивается и оглядывается – ночное шоссе снова пусто.

Кортеж несется дальше, он принадлежит другому миру.

Мимо бензоколонок и кафе, через поселки и деревеньки, рассеченные трассой пополам... Головная машина сигналиит, резко тормозит, за ней тормозят остальные, а головная уже поворачивает влево.

Пересекает двойную полосу, отмахивает назад две сотни метров, и снова через двойную полосу, прямо под несущуюся с ревом тяжелую фуру, но фура делает изящный маневр к самой обочине и уносится дальше, даже не притормозив, даже не гавкнув гудком. Водитель задумчиво замер за рулем, он не возмущен, даже не удивлен тем, что происходит. Не удивлен и тем, что заранее знал, что «мерины» нырнут со встречной к нему прямо под колеса, знал это за несколько секунд до того, как случилось.

А пурпурный «мерин» невозмутимо съезжает на стоянку перед кафе, мимо которого пролетел на полном ходу минуту назад.

Остальные семь машин повторяют этот маневр, одна за другой выстраиваются перед кафе, а из первой машины уже выскакивают трое мужчин.

Одного края плащи, однотипные прически, похожие лица – и совершенно одинаковые галстуки из пурпурного шелка, на узлах которых фигурные золотые булавки. Один и тот же вензель, как знак модельного дома. Но это не имя модельера.

Двое озираются, третий проворно распахивает дверцу, из машины вылезает женщина. Не глядя по сторонам, идет к кафе.

Распахивает дверь в пахнувший свежей выпечкой маленький зал, а навстречу ей – бросился еще до того, как брякнул дверной колокольчик, – из-за стойки несется мужчина, лысый и розовощекий, сам как булочка.

Подскакивает к женщине и замирает перед ней. Женщина выше него. Она берет его голову в руки. Склоняет к нему лицо, будто собирается чмокнуть в блестящий лоб, но не целует, а опускает лицо ниже. Касается лбом его лба. Ее глаза закрыты.

Мужчина, сам того не заметив, тоже закрыл глаза. Миг назад ему казалось, что долгое дежурство вымотало его, но теперь на него накатывает желание вспомнить эту ночь, этот вечер в мельчайших подробностях, все-все-все. Вдруг оказывается, что он помнит много, чертовски много. Такие мелочи, о которых ни за что не вспомнил бы – даже если бы захотел вспомнить, очень захотел бы, а все равно не вспомнил – всего минуту назад...

Захлебываясь от восторга, он распахивает глаза и хочет все это рассказать ей, но женщина уже не смотрит на него, она выходит из кафе и бежит к машине, за ней спешат мужчины в плащах.

Одна за другой машины срываются с места. Колонна несется дальше.

Иногда останавливается. Женщина касается лбом продавщиц в ночных магазинчиках, сонных мальчиков-заправщиков, выдергивает шоферов из кабин фур, приткнувшихся на обочине, чтобы прикорнуть пару часиков...

Светает. Сквозь тучи на востоке пробивается первый свет подступающего дня – и колонна несется прямо в него.

Но после очередной остановки женщина мрачнеет.

Дальше по трассе. Еще одна остановка, и женщина в ярости отпихивает мальчишку-заправщика. Она кричит.

Один из мужчин в пурпурном невозмутимо берет ее под руку и тихо говорит что-то. Женщина смотрит на него, в его лицо, под которым под маской вежливости прячется иступленная страсть. Она видит это в его глазах. Она чувствует это за ними.

Она успокаивается. Дает отвести себя к машине, и колонна разворачивается назад. На первом же перекрестке съезжают с трассы. Теперь едут местными дорогами. Небо светлеет справа.

А когда колонна в очередной раз останавливается у маленького кафе, женщина снова довольна. Она даже улыбается, ее пальцы нетерпеливо сплетаются и расплетаются, потирая кольца на руках, лаская холодноватые вершинки драгоценных камней.

Снова выезжают на широкое шоссе. Мчатся на север. Дорога то и дело поднимается и ныряет с холмов. Фонари погасли, небо отдалилось и стало выше – мутное покрывало далеко вверху.

Речушка, мост. На его ограждении свежая царапина и вмятина.

Поворот – на странно знакомую дорожку. Впереди просека...

Колонна рассыпается. По две машины уходят вправо и влево, окружая лесок. Головная машина остается у начала просеки. С ней еще одна, шедшая в середине колонны. Эта осела сильнее других, словно в ней не двое или трое, а человек пять.

А две машины ползут вперед, теперь неспешно. Моторы едва урчат, их почти не слышно.

Машины ползут, пока не упрутся в зад узика – до боли знакомый. И модель, и... номер! Такой знакомый номер, но он уже позади. Четверо в плащах обходят «козленка». У всех есть оружие, но они его не достают. Зачем? Не понадобится. Человек в машине лежит, уткнувшись в руль, спит, не замечая ничего. Но даже если бы и не спал – что бы это изменило?

Тот из них, который привык командовать, улыбается. Совершенно театрально облакачивается на заднюю дверцу, и костяшками пальцев стучит в водительское стекло.

Тук-тук-тук.

И в один тягучий, бесконечный ужасный миг я понимаю – что знаю этого человека, заснувшего за рулем. Это...

Я чувствую пальцы, холодные и онемевшие, зажатые между лбом и холодным рулем. И низ руля, давящий в грудь. Одна из его спиц под щекой. Прогнувшееся подо мной сиденье, призрачный запах бензина...

Тук-тук-тук!

Сердце захлебнулось дробью ударов, словно автомат очередью, я почувствовал эти судорожные толчки крови в висках, в ушах, за глазами. Я подскочил в кресле, пихнул руку под плащ к Курносому, разворачивая голову вбок, к стеклу.

Какой-то миг мне казалось, что он стоит там – его рука, стучащая по окну...

Слишком далеко, не у стекла. И не человек – ветка. Всего лишь ветка, и вовсе она не похожа на руку. А в боковом зеркале лишь бок «козленка» и пустая просека.

Цак-цак-цак.

Стучало не сбоку, а впереди.

Я медленно повернул голову. По капоту гулял огромный ворон. Когти цокали по железу.

Я ударил по стеклу. Пошла вон, тварь! Пошла вон! Чуть не рехнулся из-за тебя!

Ворон поглядел на меня, склонив голову, и снова переступил лапками. Цак-цак.

Разжав ладонь, я с силой шлепнул по стеклу. На этот раз звук вышел громким, а удар пронзил замерзшую руку, будто ледышку, чуть не разлетелась на крошечные осколки, – но это было ничто по сравнению с той яростью, что душила меня. Пошла вон, дрянь! Пошел вон!

Ворон с достоинством выдержал паузу, косясь на меня черными бусинами глаз – не боюсь я тебя, сам улетаю, – и лишь потом побежал по капоту, подпрыгивая, выше и выше, пока наконец удары крыльев не подхватили его.

Неспешно хлопая, перелетел на ветку над машиной. Развернулся на ней и снова уставился на меня.

Цук, цук, цук – все звенело железо, чуть тише.

Несколько секунд я не мог понять, что это? Цук, цук, цук – никак не желая кончаться, только я никак не мог понять, откуда идет звук. Еще одна черная гадина? Разгуливает по крыше, где я ее не вижу?

Здоровенная капля расшиблась о ветровое стекло, за ней другая, и вдруг хлынул ливень, по машине забарабанило со всех сторон.

+++

Спать хотелось ужасно, но страх был сильнее.

Я перестал греть пальцы о чашку, в один глоток допил кофе. Безвкусный, явно перекипевший. Помои, а не кофе. Но горячий и с кофеином. А вкус мне сейчас не важен. Важен кофеин.

Долил в чашку из огромного кофейника, и снова проглотил черную бурду. Это была уже четвертая или пятая. Не помню.

Я глядел на стекло, мутное от хлещущих струй ливня, и глотал кофе.

Пальцы начинали дрожать, пожилая женщина за стойкой хмуро косилась на меня, но зато сон отступил.

Мне надо бежать дальше. Дальше, дальше, дальше. Не останавливаясь даже на час.

Это кафе я нашел на краю какого-то маленького городка к северу от Москвы – даже не знаю, что за городок. Трасса на Москву режет его по центру, но выезжать на трассу я больше не решался. Полз по окольным дорогам, и к городку выбрался с окраины. Выпить кофе, чтобы не заснуть за рулем и не угодить в канаву – и дальше. Дальше, дальше, дальше...

Дождь хлестал по стеклу, размывая все, что снаружи. Смывая мою прошлую жизнь...

Забудь. Отныне ты – не охотник. Отныне ты – беглец. Трусливая овечка. А по твоим следам, вот-вот нагонят, несутся псы – пурпурные слуги настоящих хозяев этого мира.

Поиграл в вершителя судеб? Поиграл – и проиграл. Проиграл жизнь Старика, Гоша, всех наших. И свою собственную...

Это сильнее меня. Этого не изменить. Можно лишь признать, подчиниться – и бежать прочь. Старик был прав. Старик...

Ярость накатила удушливой волной, я врезал по столу. Чашка и кофейник звякнули.

Женщина за стойкой вздрогнула, теперь она глядела на меня с опаской – за меня? или за кофейник и чашку? – но ничего не говорила. Не решалась.

Напуганная, но покорная овца. Хоть на убой веди, так и пойдет следом. Дрожа от ужаса, но покорно и безропотно.

А теперь и я – такой же. Уступивший тому, что сильнее меня. Смирившийся. *Струсивший.*

Прошлая ночь и это утро, вся эта бесконечная езда прочь из Смоленска, вокруг Москвы и дальше на север, прочь, прочь, прочь, – лишь короткое начало куда более длинного бега. Мне теперь только это и осталось – бежать. Всю оставшуюся жизнь. Бежать, поджав хвост.

Я грохнул по столу кулаками. Но ярость не уходила.

Я ведь все знаю про этих чертовых сук – но отныне ничего не делаю. Лишь прячусь по углам и надеюсь, что хотя бы меня это не коснется... Хотя бы сам спасусь... Ведь это главное, так? Так, черт бы тебя побрал?! Спасти себя самому – это главное?!

Я стиснул края столешницы – до боли, до хруста суставов. Потому что – да, все так, именно так. Спрятался в тени, и тихонько отползаешь по стеночке. Прочь. Дальше и дальше. Делайте что хотите, только дайте мне уйти. Оставьте в живых *меня*. Дайте уйти *мне*. А там уж – делайте что хотите. Вы – хозяйева жизни. А я – блошка. Досаждавшая вам, но теперь почти раздавленная...

Почти?..

Почти?

Раздавленная. Целиком и полностью. Был охотник – и нет.

Я оттолкнул столик, он грохнулся боком и поехал по кафельному полу через весь маленький зал. Покатились, гремя, кофейник и чашка, блюдечки и солонки, рассыпались салфетки и пластиковые цветы из вазочки.

Тетка за стойкой лишь жалась к стеночке, не спуская с меня глаз, не осмеливаясь сказать ни слова. Даже просто позвать кого-то не решалась.

И ты – такой же.

Она – оцепенела от страха перед тобой. Ты – бежишь от ужаса перед ними. Истинными хозяевами жизни...

Я стискивал кулаки до хруста, но толку-то? Что я могу сделать? Ну, поверну я обратно, навстречу им... Но что дальше?

Мы ту-то паучиху еле взяли – вчетвером! Но теперь я один. А эта тварь куда сильнее. Если это вообще *одна* тварь. Слуг было столько, что там должна была быть не одна паучиха, а две или три.

А я – один.

И я не знаю, откуда они.

Я даже не знаю, сколько их.

Даже если забыть про слуг, которые встанут между нами стеной; даже если предположить, что сука всего одна, и я сумею к ней подобраться – что дальше? Она раздавит меня как блоху. Один я слишком слаб против такой твари.

И это – сейчас. Даже сейчас, когда я еще не забыл, каково это – сопротивляться паучихе. Когда в памяти еще живы те финты, что показала перед смертью та чертова сука... А что будет через неделю? Через месяц или два, когда – и если! – я выслежу эту тварь?

У Старика была ручная дьяволица. Живой тренажер. Теперь нет ни Старика, ни ее. А тренировка нужна постоянно. Без практики я ничто. Через месяц я начну терять сноровку, через полгода забуду почти все. Не справлюсь даже с самой слабой из них.

Вот она, финальная точка. У меня нет суки, на которой я бы мог практиковаться. А это конец. Без ручной дьяволицы я ничто.

Я могу поискать какую-нибудь другую чертову суку, сделать из нее тренажер... Могу *попытаться* сделать. Просто найти чертову суку, наверно, найду. Толку-то? В одиночку я смогу взять только очень слабую. А делать тренажер из слабенькой... Что толку практиковаться на слабой дьяволице? Если я смогу взять ее один в один – то что она сможет мне дать? Тем более с пробитым лбом. От этого ее атаки станут проще – и еще слабее... Такая не даст мне даже того, что у меня уже есть. А мне нужно – больше!

Мне нужна сильная. Вроде тех, каких мы брали втроем или вчетвером. Такая, как ручная дьяволица Старика.

Но я теперь один. Один. И такую паучиху мне не взять.

Вот она, финальная точка. Гильотина любимым моим потугам.

Разве что...

Я замер.

Потер лоб, боясь спугнуть мысль.

Довольно сумасшедшая мысль, впрочем... Потому что прошло уже столько времени, что...

Но они живучие.

Времени прошло много.

Но они очень живучие.

Времени прошло слишком много.

Но она была после ритуала.

Это помогло бы жабе. Но она-то – не жаба...

Но это последний шанс. Последний – и единственный.

Я вскочил и вихрем вылетел наружу. Когда я заводил «козленка», пальцы дрожали, и не знаю, отчего больше – от кофеина или от последней, сумасшедшей надежды.

+++

Уже темнело, когда я добрался. Дождь лил сплошной стеной, свет фар растворялся в нескольких метрах перед машиной. Я едва успел затормозить, когда из водяной пыли вынырнули ворота.

Такого изумрудно-зеленого цвета, будто их всего неделю назад перекрашивали. На левой створке в свете фар сиял хромированный знак: «ВОЕННАЯ ЧАСТЬ. ВЪЕЗД ЗАПРЕЩЕН. ОГОНЬ НА ПОРАЖЕНИЕ!»

И знак, и ворота, и забор из стальных листов, уходящий в стороны от дороги и теряющийся за деревьями – все в идеальном состоянии, без малейших признаков ржавчины, без единой царапины или вмятинки.

Если бы не знал, что забор тянется в стороны от дороги всего лишь на пятьдесят метров, а потом обрывается, если бы не побывал за ним, внутри, – наверняка бы решил, что это что-то секретное, и сюда в самом деле лучше не соваться.

Но я там был.

Я сбросил скорость, но не остановился. Тихонько уперся бампером в ворота и пополз вперед. Ворота легко пропустили, потом медленно встали обратно, уже едва различимые за стеной дождя.

Капли звенели по крыше, заливали стекло, падали впереди сплошной стеной в залитую водой дорогу – бурлящая полоса в свете фар, забирающая вверх, на подъем, и теряющаяся в темноте.

«Козленок» раздраженно рычал, взбираясь, проскальзывая колесами в жидкой грязи. Незаметно перевалил холм и понесся вниз, норовя слететь с дороги. Еле удержал.

Снова подъем, поворот.

Управляться с «козленком» было тяжело, и все-таки я делал это на автомате. Краем сознания. Куда больше меня волновало другое. Я прислушивался к себе, к переливу моих мыслей, изменению ощущений. Прислушивался изо всех сил...

Ничего, совсем ничего.

Слишком поздно. Две недели прошло.

Но может быть, я просто не чувствую? Целый день гнал машину обратно к Москве, а потом на запад. Устал. Вот и не чувствую.

Нет, усталость здесь ни при чем. Слишком поздно.

Деревья слева расступились, и я забрал вправо, на самый край дороги. Свалиться в пруд мне не хотелось.

Впереди из пелены дождя выплыла громада дома. Фары мазнули по выступу террасы, по лестнице справа. У ступеней я затормозил и выскочил из машины. Понесся вверх. Мокрые ступени выскакивали из-под ног, я схватился за перила, мокрые и липкие.

Площадка. Высокие тяжелые двери – рвануть на себя.

Темно, сквозь потоки воды на окнах едва пробиваются отсветы фар. Но я помню, куда идти. Лиственничный пол твердый, словно камень. Огромный пустой холл множил шаги.

Вперед, забирая вправо. Вот и лестница. Ступени ведут вверх, значит, надо еще чуть дальше. Туда, где лестница начинает виток в подвал.

Теперь вниз.

У двери в подвал было совсем темно. Я толкнул дверь и пошел вперед, выставив руки.

Боже, если ты есть... Пусть она будет жива. Пусть эта сука будет еще жива. Прошу тебя, господи. Ну что тебе стоит? Пусть эта сука будет еще жива.

Здесь было темно, хоть глаз выколи. Лишь шум моего дыхания и эхо шагов. И по-прежнему ни малейшего холодного ветерка в голове. Никакого. Совсем.

Надо было взять фонарь в машине! Иначе я здесь ничего не найду. А то и шею себе сверну, когда буду лезть в погреб... Но возвращаться, терпеть еще несколько минут, когда моя судьба замерла монеткой на ребре, – возвращаться не было сил.

Я старался уловить хоть малейший холодный ветерок, самое легчайшее прикосновение к вискам – но ничего. Совсем, совсем ничего, будь оно проклято.

Я всегда боялся этого ветерка внутри головы, но теперь я хотел его почувствовать, желал так, как не желал ничего на свете.

Выставив руки, я шел в темноту. К тошнотворному запаху горелого жира, к запаху старой крови и серебряной патины...

Натыкался на колонны, обходил и шел дальше, пока нога не уперлась в булыжники алтаря. Я пригнулся, нащупал серебряную пластину на его вершине. Ведя по ней рукой, пошел вокруг алтаря, пока не добрался до колонны в его изголовье. Присел на корточки и повел рукой вниз, по каменному боку. Локтем сбил что-то – огарок свечи, должно быть. Нашупал тайную полочку. В ее глубине коробок со спичками.

Длинные, для разжигания камина. Первую я сломал, вторая тоже не выжила в нетерпеливых пальцах. С третьей попытки треск серы превратился в пшых! – и я прищурился от вспышки огня, слишком яркой после полной темноты.

Свет вырвал из темноты пластину алтаря, огарки свечей вокруг нее – и морду на колонне.

Я стоял сбоку от колонны, но рубиновые глаза все равно глядели прямо на меня... И морда ухмылялась.

Я вспомнил, что забыл сделать в тот раз. Забыл вырвать рубины из глазниц. Но это все не сейчас, потом, потом... Я запалил один из огарков, что сотнями стояли на камне вокруг пластины. Света стало больше. На всякий случай я запалил еще несколько свечей. Пока сгоревшая спичка не обожгла пальцы. Тогда я отлепил от камня пару горящих свечей и двинулся вправо, глядя в пол.

Вот и утопленная в пол крышка погреба.

Я покапал воском на каменный пол, прилепил одну свечу. Сдвинул засов и, поднатужившись, дернул крышку. Тяжелая, зараза. Но я ее переборол. Крышка перевернулась и грохнула об пол.

И кажется...

Показалось? Или в самом деле что-то коснулось меня – мазнуло холодком по вискам изнутри?..

Торопясь и оскальзываясь на ступенях, я бросился вниз. В нос ударило сырым, затхлым воздухом, свеча затрепыхалась, едва не погаснув, и я заставил себя двигаться медленнее. Длин-

ный земляной гроб с пустыми полками по бокам. Здесь было холодно, сыро – но, может быть, это меня и спасет? Вода – это самое нужное человеку. И чертовой суке тоже.

Я шел все дальше, но проклятый погреб не кончался. Свет свечи едва разгонял темноту, черные стены глотали его без следа.

Она лежала в дальнем углу, свернувшись калачиком. Голая, грудь и руки покрыты засохшей коричневой коростой, а ноги синеватые – даже в теплом свете свечи.

Я склонился над ней, поднес свечу к лицу.

– Эй... – позвал я.

Окоченевший комок не шевельнулся.

– Эй!

Я встал на колени возле нее, отбросил с лица волосы. Глаза закрыты, кожа сухая и холодная. И ни один мускул не двинулся от моего касания, ни одна жилка. Кажется, не дышит.

Я положил руку на шею. Господи, какая холодная кожа... Или – только кажется? Господи, сделай так, чтобы я ошибался!

Холодная, как камень алтаря. Я водил кончиками пальцев по ее шее, пытаюсь нащупать бьющуюся жилку. Где-то здесь должна быть... Ну же, черт побери! Где-то здесь должна быть... если только она вообще бьется. Кажа была холодная и неживая. Кусок охлажденного мяса.

И тут я нащупал что-то. Или показалось? Я вжал пальцы сильнее, замер, даже дышать перестал. Сосредоточился, вышвырнул из головы все мысли. Лишь чувствовать тело, кончики пальцев...

Я чувствовал удары пульса в ушах, чувствовал, как они отдаются в кончиках пальцев, будто чуть вздрагивает холодная плоть под ними, – но это обманчивое ощущение. Это лишь вздрагивают мои пальцы. А кроме моего пульса ничего нет...

Нет, есть. Что-то происходило под этой каменной кожей. Слабо-слабо. Очень редко. Но это явно не мой пульс. Мое сердце успевало сделать четыре удара, прежде чем биение на ее шее повторялось.

Слава богам, есть!

Есть!!!

Минуту я боялся оторвать пальцы, боялся, что мне кажется. Но теперь я чувствовал ее пульс увереннее.

Свеча в левой руке мешала, я кое-как прилепил ее к полу. Склонился над холодным телом, бережно взял ее голову в руки, прижал к груди – будто дорогой подарок – и расхохотался. Понимал, что это ненормально, но ничего не мог с собой поделать.

Может быть, это и есть самый дорогой подарок в моей жизни... Она у меня теперь есть – жизнь! Моя жизнь.

– Паучишка ты моя милая... – я гладил ее лицо. – Жива, сука...

Потом достал флягу и свинтил колпачок. Сжал пальцами ее губы в бантик – показался кончик языка, маленький и сжавшийся, будто ссохшийся фрукт, даже на взгляд шершавый, – и влил ей в рот глоток коньяка.

Булькнул воздух в горлышке фляги, ей в рот выплеснулся еще один глоточек, еще, но ничего не происходило, – и страх накатила новой волной, руки одеревенели...

Она вздрогнула и закашлялась. Ее скрутило, она захрипела, широко открыв рот, жадно глотая сырой воздух, словно вынырнула из-под воды. Коньяк пузырился на губах, потек струйками по подбородку. Слишком долго в ее горле не было воды.

Я подождал, пока спазм пройдет, поднял ее голову повыше и повторил попытку. На этот раз она проглотила. Ее глаза распахнулись, а губы жадно сомкнулись на носике фляги.

Она сделала три глотка и снова закашлялась. На этот раз оттого, что это был коньяк, а не просто жидкость – она же глотала его как воду, большими жадными глотками.

Я отвел флягу – но она тут же вцепилась в нее. Попыталась что-то сказать: «Отдай!» – шевельнулись ее губы беззвучно, и она сморщилась от боли. Ее опять скрутило, слишком долго она не говорила, слишком долго лежала здесь, едва дыша, уже почти труп. Но от фляги не отцепилась. Вырвала из моих рук. Шумно втянула воздух – и вновь припала к горлышку.

Я ей не мешал. Коньяка мне не жалко, да и с пьяными чертовыми суками я еще не общался. Даже интересно.

Она сосала, пока не выпила все до последней капли. Тогда она с удивлением поглядела на пустую флягу, потрясла ее – и отшвырнула. Посмотрела на меня.

Кажется, в ее глазах мелькнуло удивление – но так, краешком.

– Еще... – просипела она и сморщилась от боли. Попыталась слотнуть – и опять сморщилась. – Дай еще...

И опала, как скошенный цветок. Последние силы ушли на слова. А может, это спирт всосался в кровь. Желудок пуст который день, вот вмиг и захмелела.

Я взял ее на руки и понес наверх.

Едва заметил, как поднялся по крутым ступеням. Словно заново родился. Силы переполняли меня.

После глотающих свет стен погреба, здесь было светло. Я понес ее прочь от алтаря, к колоннам. Там, в темноте за ними, выход к лестнице... Я остановился.

Все хорошо. Все поразительно – просто невероятно как! – хорошо. Сука жива, и это главное... и все-таки что-то не так. Неправильно.

Я оглянулся.

На алтарь. На козлиную морду – сейчас какую-то задумчивую.

Надо бы погасить свечу в погребке, вот что. А главное, эти восемь на краю алтаря – под козлиной рожой. Не икона, чтобы я этой морде свечи зажигал.

А, черт с ними! Потом. Сейчас у меня есть дела поважнее.

Теперь у меня есть сука. Моя милая чертова сука. Полузакрытые глаза заблестели, черты лица смягчились, наполнились сладкой истомой, краешки губ приподнялись в намеке на улыбку...

Я поцеловал эти приоткрытые губы, ощутив вкус коньяка и – на миг – все еще сухой кончик языка. Шершавый-шершавый, как у кошки, когда слизывает с пальцев каплю мороженого.

Ты – мой шанс. Мой единственный шанс, сука.

Моя милая чертова сука.

+++

Воды я дал ей столько, сколько захотела. А вот есть ей сейчас много не стоит. На огромный стол в столовой я положил только огрызок галеты, который затерялся у меня в кармане плаща. Прямо перед канделябром на тринадцать свечей. Живые огоньки разогнали темноту в огромной столовой.

Но сухарь ее не соблазнил. А вот воду она глотала как бездонная бочка. Один бокал, второй...

Жизнь возвращалась к ней быстро, – может быть, даже слишком быстро. И определенно быстрее, чем я рассчитывал.

Я вдруг сообразил, что уже не придерживаю ее. Она сидела сама, больше не сваливаясь со стула. Ее холодная рука скользнула по моей, и она взяла бокал. И продолжала захлеб глотать воду. Струйки сбегали с губ, капали на грудь, размывая корочку засохшей крови.

На четвертом бокале она стала пить медленнее.

Стулья в гостиной были тяжелые, спинки прямые и очень высокие. Резная окантовка возвышалась далеко над ее головой, но, кажется, раньше возвышалась куда выше... Теперь

чертова сука не валилась на стол без сил. Теперь она сидела, и сидела с прямой спиной, гордо подняв голову. Даже с грязными свалявшимися волосами, вся в засохшей крови и совершенно голая – она сидела с достоинством.

И она уже напилась. Все еще прикладывалась к бокалу, но это были маленькие, символические глоточки. Просто потому, что слишком долго она мечтала об этой воде.

Теперь она обратила свой взор на меня. И не только взор...

Я успел собраться и встретить ее ледяной шквал.

Мы бодались взглядами – и тем, что за глазами... Она давила, я выкручивался из ледяных щупальцев.

Она впивалась в меня и курочила все, до чего могла дотянуться. Я выталкивал ее вон и приводил в порядок то, что она успела смять и запутать, выравнивал ощущения и эмоции, возвращал себе *мои* желания.

Слава богам, она была еще слишком слаба – две недели не ела. Коньяк и вода привели ее в сознание, но сил у нее было слишком мало. И почти все они уходили на то, чтобы с достоинством держать спину.

Наконец она сдалась. Холод и давление в голове ослабли. Она невесело рассмеялась.

Мне было не до смеха.

– Еще раз так сделаешь, и это будет последний раз, когда ты вообще будешь это делать... по своей воле.

Она вскинула бровь. Улыбка, чуть пьяная, гулявшая по ее губам, задралась правым уголком. Лицо у нее было выразительное, и она прекрасно им владела. Таким пренебрежением меня еще никто не обдавал, – а она умудрилась сделать это без слов.

– Я бы тебе советовал прислушаться к моим словам, солнышко.

– А вы грубиян, сударь. Во-первых, я тебе не солнышко... мальчик.

Ее липкие щупальца то и дело касались меня. Я успевал сбрасывать их прежде, чем они влезали в меня, но это было неприятно. Словно по лицу шлепали грязной мокрой тряпкой.

– А во-вторых... – продолжала она. – Иначе – что?

Она улыбалась с откровенной издевкой.

Щупальца стянулись в кольцо, вмяли мою защиту, пока она не затрещала, и тут же присосались к пробоине. Потянули меня куда-то... Я отстранялся от нее, но она была со всех сторон. И пихала в меня что-то. Как я ни сопротивлялся, я почувствовал отзвуки ее чувств: прекрасное ощущение воды на губах; дрема, накатывающая сладкой волной... Я слышал отголоски ее ощущений, а под ними было то, что она *хотела*, чтобы я почувствовал:

На этот раз рядом нет еще троих охотников, выбивающих у себя в голове один и тот же ритмический рисунок, подстраивающих мысли и движения к этому ритму, – и оттого сливающихся, словно голоса хорошего хора...

На этот раз здесь вообще нет никого, кроме нас двоих. Только я – и ты, мальчик...

Я сбросил липкое кольцо и выровнял ощущения... попытался. Мне было страшно. Она успела что-то нажать во мне. А может быть, этот страх шел из глубины меня самого. Даже сейчас, когда она едва держалась на ногах, пьяна и почти засыпала – я едва удерживал ее. А что будет, когда она придет в себя?

– Иначе – что? – Она рассмеялась. – Ты даже убить меня не можешь. Я нужна тебе, нужна живой и целой. И я догадываюсь, для чего... Так что – иначе – что?

Она снова рассмеялась. И обиднее всего было то, что на этот раз в ее смехе не было издевки. Может быть, от коньяка, но ей в самом деле было смешно. Она развлекалась, как могла бы дразнить ленточкой косолапого щенка, нетвердо стоящего на лапах. Для нее это была игра, в исходе которой она не сомневалась.

Ну что же... Давай расставим все точки, сука. Сразу.

Я прикрыл глаза, чуть ослабил сопротивление – давая ей присосаться, залезть в меня, заглянуть поглубже...

И, как мог старательно, вспомнил другую паучиху. В доме у Старика. Ручную дьяволицу. *...на широком дубовом столе, намертво прикрученном к полу. Запястья, щиколотки, шея и лоб стянуты кожаными лентами-захватами... два шрама на лбу... капельница над левой рукой, зеленоватая дрянь струится по пластиковой трубке... ее глаза, дикие от ярости – без искры разума, глаза загнанного в угол зверя... и пятна зеленки на ногах, а поверх них – лоснящиеся мазки ароматного масла... и возня справа, где в длинной клетке беснуются голодные крысы, учуявшие этот запах...*

Я вспомнил все это. Старательно. Ярко.

И, конечно же, не без злорадства припомнил и свою брезгливую жалость – жалость к этому остатку человека. Доброму, даже милому остатку от некогда жесткого человека... Вспомнил ее касания после того, как она приходила в себя.

...ветерок мягкий и робкий, как заискивающая улыбка. Она не помнила, что делала – лишь какие-то смутные обрывки своих эмоций. Она чувствовала, что могла что-то натворить – и ей было стыдно. Она боялась, что виновата. Она хотела понять – не сделала ли она больно... Простят ли ее...

Когда я открыл глаза, у нее было совсем другое лицо.

Кажется, даже алкоголь на миг перестал действовать.

И я знал, что ее добивает: она чувствовала, что это правда. Все, что я ей показал – правда. А главное, правда то, что так будет и с ней. Именно это ждет ее, если она еще раз попытается атаковать меня.

По ее лицу я видел, что она почувствовала мою решимость. Да, я сделаю с ней это, если придется. Я сделал бы с ней и что-то хуже, если бы это могло мне помочь. Что угодно, – но получу от нее то, что мне нужно.

Будет лучше, если она останется в нормальном сознании – так я смогу научиться противостоять не только голой ярости и силе, но и хитрым атакам. Смогу обучиться всему, что меня может ожидать от чертовых сук. Но если придется – я ограничусь и тем, что смогу взять.

Я сделаю это.

– Не надо... – пробормотала она едва слышно. – Не надо...

Только не это. Только не это.

А потом я перестал слышать отголоски ее чувств. Она судорожно оттолкнулась от меня – от того, что я достал для нее из своей памяти. Схлынула из моей головы, как уходит от берега разбившаяся волна.

Она огляделась вокруг, словно очнулась от сна. Загравленно поглядела на меня, вся съжившись на стуле. Обхватила себя руками. Ее кожа шла мурашками, она дрожала от холода. Взгляд стал бессмысленным, веки опустились...

Я подхватил ее прежде, чем она упала на пол.

Нет, милая. Падать на пол – это лишнее. Случайно разбить висок – теперь, после всего! – этого я тебе позволить не могу.

+++

От алкоголя и полного желудка воды – воды, которой она была лишена столько дней – она провалилась в тяжелый сон. Мне опять пришлось нести ее на руках.

В столовой никакой кушетки не оказалось, и я потащил ее через огромный холл, в правое крыло. Толкнул ногой первую дверь – это оказалась чья-то спальня. Судя по мужской одежде на стуле, явно не ее – но здесь была кровать. И, главное, с внутренней стороны двери в замке торчал ключ.

Не уверен, что ее слуги им пользовались – от кого им было закрываться? От своей хозяйки, которая способна в любой момент забраться в любой уголок их сознания? Скорее, просто дань старомодным дверным замкам. Что снаружи, что изнутри они закрывались только ключом. То, что мне нужно.

Я уложил ее на кровать. Она дернулась и что-то пробормотала во сне. Сон был тревожный.

Ну, не мои проблемы. У меня и своих забот хватает.

На всякий случай я запер снаружи дверь спальни и стал обходить дом.

Есть, над чем поразмыслить... Запертая дверь – это не совсем то, что способно ее остановить.

Я нашел еще одну жилую спальню, явно мужскую.

Ее спальню я нашел на втором этаже, в дальнем углу. Кровать была большая и мягкая, огромный камин, три высоченных окна... Стулья, обивка стен, покрывало на кровати, шторы, – все темных красок, от сливового и темно-фиолетового до черного, – но все-таки комната была самой уютной из всех, что я видел в доме.

Была хозяйкина – будет моя. Но не это я искал.

Библиотека, кабинет, еще две гостевые спальни, ванные, какая-то пыльная комната... Я сбился со счета, обходя два этажа обоих флигелей, но все это было не то.

Задняя часть дома, три огромных зала, идущих анфиладой. Тоже не то.

За ними еще несколько маленьких комнаток, среди них я наткнулся на кладовую, – но все это не то, не то...

А потом я понял.

Вернулся в кладовую. Среди банок с красками, запасных кранов и труб – было два мешка цемента. Недостатка в инструментах тоже не было. Цемент потом понадобится, а пока я отобрал нужные инструменты, сложил все в столярный ящик с ручкой, прихватил большой фонарь и спустился в подвал.

Свечи все еще горели. Воздух отяжелел вонью сторевавшего жира. Козлиная морда подозрительно глядела на меня.

Я поставил ящик на плиту алтаря, включил фонарь и опустился на колени.

Я рассматривал швы. Каменные плиты были разные. Поменьше, побольше, совсем огромные... В центре подвала я нашел одну средних размеров – сантиметров пятьдесят на семьдесят – в окружении больших плит, куда более тяжелых.

Вот тут, пожалуй.

Я стал стамеской вычищать землю из стыков вокруг средней плиты. Земля слежалась – десятки лет пролежала так, если не всю сотню. Но мало-помалу канавка вокруг плиты становилась глубже. Минут через двадцать плита зашаталась, и тогда я принялся ее выкорчевывать. Это оказалось куда сложнее...

+++

Передышку я устроил часа через три – вымотавшийся, вспотевший и грязный – но довольный.

Оно того стоило.

Теперь каменная плита лежала в стороне. На ее месте краснели кирпичи, меж ними серый цемент, еще не схватившийся, а посередине торчала толстая труба, с высверленной возле вершины дыркой.

Это было и с виду внушительно. Но на всякий случай я еще и внутри сделал под стать. Глубже, под кирпичами, в цементе были стальные штыри – пронзая трубу, а концами уходя далеко под соседние плиты.

На всякий случай.

Едва ли у моей милой чертовой суки хватит сил просто вырвать трубу и кладку – цемент, кирпичи, труба со стенками в палец – это все я таскал сюда не одну ходку в кладовку и в старую конюшню, ныне гараж и сарай. Центнера на два натаскал.

Но ведь чертова сука – на то и чертова, что вот сейчас я сижу довольный в трезвом уме и твердой памяти – а через миг обнаружу, что сам же пытаюсь вырвать эту трубу из пола...

Не знаю, хватит ли у меня на это сил. Но лучше не рисковать, верно? Пусть лучше внизу будет еще и арматура, цепляя под соседние плиты.

Я собрал инструменты и потащил их к «козленку». Потом перетаскал туда и все остальные инструменты из кладовки, хоть как-то похожие на то, чем я пользовался. Ломы, лопаты, топоры, молотки, стамески, напильники, сверла...

Кавказец был запасливый парень, чтоб ему в аду хорошо горелось.

А еще был гараж, с целым стеллажом инструментов.

Я вымок под дождем и обливался потом, а «козленок» тяжело осел, когда я наконец-то закончил все таскать.

Руки-ноги наливались тяжестью, хотелось присесть, а лучше завалиться спать. Надолго...

Но дело еще не кончено. Моему плану нужен замковый камень. Стальной, и покрепче. Не так трудно, как таскать кирпичи, но времени уйдет много.

Только сначала – надо проверить, как она там. Вода, пожалуй, уже сделала свое дело. Наполнила клетки, сделала кровь жиже – и теперь моя милая чертова сука должна испытывать зверский голод. Я набрал стакан воды, забрал со стола закусанную галету и пошел к ней.

Не царская трапеза, но ей на первый раз больше и не надо. Иначе желудок не справится. После двух недель без маковой росинки во рту, сейчас он сжался и ссохся. Желудочного сока почти не будет – не из чего. Сейчас накормить ее до отвала – лучший способ отправить на тот свет. И довольно мучительно...

Скрежет замка разбудил ее. Она приподнялась на кровати, обернулась – и вздрогнула, увидев меня. По лицу прошла тень.

Она тут же взяла себя в руки, и все же...

Мне понравился ее взгляд. Наверно, так смотрят на оживший кошмар. Стараясь уверить себя, что вязкий ужас – прошел, то был лишь плохой сон... но кошмар вот он, перед тобой, никуда не делся.

Может быть, это и хорошо, что тогда в столовой все так сложилось. Что она была пьяна, слаба – и так неосторожно и сильно нарвалась на то, что я ей подарил. А потом провалилась в тяжелый сон, от увиденного еще более мутный и болезненный... Картинка глубоко засела в нее. И уверенность в том, что я и с ней сделаю так же, если она меня вынудит.

Тут она заметила сухарь в моей руке, и на ее лице остался лишь звериный голод. Глаза неотрывно следили за огрызком галеты. Она попыталась приподняться и схватить галету, но я толкнул ее обратно на кровать. Слишком слаба. А мне не нужно, чтобы последние силы покинули ее и она отрубилась прямо сейчас.

Нет, сука. У меня другие планы. Уроки надо закреплять.

Я отломил кусочек галеты и сунул ей в губы. Жаркие, жадно сомкнулись на моих пальцах. Захрустело. Она тут же попыталась проглотить и сморщилась. Все-таки горло еще не отошло.

Я ломал галету на мелкие кусочки. Совал ей в рот, как собаке. Она глотала, почти не разжевывая.

– Не спеши, разжевывай. В кашицу, иначе в желудке как кирпич ляжет. А мне с тобой возиться некогда...

Она смотрела только на кусочки галеты в моей руке.

– Ты меня слышишь?

Я похлопал ее по щеке. Только когда она подняла глаза на меня, я дал ей следующий кусочек. Дал слизать крошки с моих пальцев.

– Там, у камина... – сказал я.

Она вздрогнула и закашлялась, подавившись. Вскинула на меня глаза и тут же отвела.

Хорошо. Значит, я не обманулся. Урок не прошел для нее даром. Надо лишь закрепить результат.

– Теперь ты знаешь, что с тобой будет. Помни. Попытаешься меня подмять, и будешь как та сука.

Она вздрогнула и еще ниже опустила глаза. Ее губы сжались.

– Это ясно? – спросил я.

Она нахмурилась, не поднимая глаз.

– Это ясно? – повторил я громче.

– Да...

– Не слышу.

– Да! – ответила она, но глаз не подняла.

И ее тон мне не понравился.

– Нет, ты не совсем поняла... Я тебе объясню. Есть два варианта. Либо ты дашь мне то, что я хочу... Либо я пробью тебе голову, и буду пользоваться тобой без твоего желания, а ты будешь лежать куском мяса, довольная, когда накормят, и бесноваться, когда тебе в вену вольют отвар.

Она дернула головой, будто отгоняла что-то.

Это хорошо, что картинка пустила мощные корни.

– Два варианта, третьего не дано. В любом случае я получу то, что хочу. Простым путем, тихо и мирно, – или сложным, с пробитым черепом, крысами и обкусанными ногами. Но получу. Подумай, что хочешь получить *ты*.

Она не поднимала глаз. По скулам гуляли желваки.

Я отломил кусочек галеты и пропихнул ей в рот, почувствовав влажность губ. Она дернула головой, будто отказывалась... Но голод был сильнее ее. Она приняла кусок из моих пальцев. Но когда я поднес следующий, стиснула губами его краешек, избегая пускать мои пальцы.

– Я знаю, к чему ты привыкла: пользоваться людьми, как вещами. Распоряжаться чужими мыслями. Судьбами. Жизнями... Но отныне забудь. Теперь я буду пользоваться тобой. Ты будешь делать то, что я тебе скажу, так, как я тебе скажу, и когда я это скажу. Отныне ты никто. Отныне ты вещь. Полезный кусок мяса.

Я сунул ей в рот кусочек галеты, но она сомкнула губы. Крошки посыпались ей на грудь. Кусочек остался в моих пальцах.

– Запомни, – сказал я. – Всего одна атака... Всего одна попытка атаки...

Она молчала, не поднимая глаз.

Мне этого было мало. Урок должен быть закреплен как следует. Так говорил Старик, и он был прав. Тысячу раз прав...

– Мы друг друга поняли?

Она молчала. Лишь теперь она подняла глаза, и если в этих глазах и был страх – то сейчас он отступил перед чем-то иным. Ненависть? Презрение?... Я не мог разобрать, но это выражение мне не нравилось.

– Мы. Друг друга. Поняли?

Ее губы растянулись в улыбке, но глаза не изменились на ни йоту.

– О, более чем... – мягко сказала она. И вдруг как выплюнула: – Крамер.

Кажется, я вздрогнул. Попытался скрыть это – но не уверен, что получилось. Я мгновенно собрался, пытаюсь выкинуть из себя ее ледяные щупальца... Но выкидывать было нечего. Если щупальца и были, то они ушли так же незаметно, как и проникли.

Я пытался унять эмоции, выстроить защиту – но едва мог справиться со страхом.

Две недели назад, когда мы были здесь все вместе, мы называли друг друга по именам. Виктор мог называть меня Храмовником, это в его стиле... Но как она могла узнать мою *фамилию?*.. Когда? И *каким образом* она вытащила это из меня? Я ее даже не почувствовал!

Ее улыбка стала под стать глазам. Она приподнялась на локте, а второй рукой вытащила остаток галеты из моих пальцев.

Но донести до рта не успела. Я поймал ее за запястья – и тряхнул так, что у нее клацнули зубы.

– Точно поняла? Тогда в следующий раз, прежде чем куда-то войти, спрашивай разрешения!

Она попыталась выдернуть руки из моих пальцев, но я сильнее стиснул ее запястья.

– Вежливо. Робко! И если я не горю желанием с тобой общаться, обходи меня стороной. И старательно отгораживайся. Если я что-то почувствую... Если мне даже *покажется*, что я что-то чувствую...

– Я *вас* прекрасно поняла... сударь!

Это старинное «сударь» не могло быть ничем иным, как издевкой, она почти выплюнула слово мне в лицо, – и все-таки она не издевалась, я видел это по ее глазам. Ярость душила ее, не оставляя место ничему иному. Ярость на меня – и, еще больше, ярость на себя. За то, что вынуждена смириться. За свой страх передо мной. Перед тем, что я ей показал...

Я выдержал ее взгляд. Дождался, пока она перегорит и сломается.

Она опустила глаза. Несколько секунд я сидел, нависая над ней. Расставляя точки. Потом улыбнулся – так же вежливо, как улыбнулась мне она минуту назад, – и, как можно мягче, поднялся. Мягко подтянул сбившееся одеяло, подоткнул ей под подбородок и вокруг плеч.

Неспешно вышел, закрыл дверь на ключ и двинулся дальше по коридору. Размеренным, уверенным шагом. Шаги она может слышать через дверь. Прошел через холл, вошел в столовую – и только тут позволил себе бессильно привалиться к стене, задрав голову в темноту.

Она напозвала сверху. Свечи в канделябре догорели, остался последний огарок, огненный язычок едва теплился... Темнота над головой казалась бездонной.

Я позволил себе расслабиться – и телом, и волей. Перестал держать оборону. Дал мыслям течь свободно.

Господи... На что я рассчитываю? Разве под силу мне будет справиться с ней – если уже сейчас, когда она только начала приходить в себя... Мне-то казалось, что я всегда почувствую ее касание. Что могу блокировать ее атаку на самых подступах...

Она не должна была вытащить из меня ничего.

Ничего! Даже самые явные эмоции с поверхности моей души, даже тень этих эмоции не должна была ухватить, – не то что кусочек памяти!

Я помотал головой.

Спокойно. Только не сдаваться. Это мой последний шанс. Я не должен его упустить. *Не могу* его упустить! Не надо ее бояться. Опасаться – стоит, бояться – нет. Не надо паниковать.

Легко сказать... Как же ее не бояться, если я даже не почувствовал ее атаки? Я-то думал, такое вообще невозможно. Был уверен в этом! Но она легко...

Я оскалился и стиснул пальцами виски. Спокойно, спокойно!

Не надо сходить с ума. Если это невозможно – значит, должно быть объяснение, как же она узнала мою фамилию. Надо лишь понять – как.

А может быть, она узнала это не сегодня – а раньше? Две недели назад. Но не подслушала, когда мы общались друг с другом, а сама вытащила. Раньше. Когда я шел к ней в подвале. В тот миг, когда она почти заставила меня провалиться в воспоминание – сделав тот чертов кусок памяти живее реальности...

Могла? Какой-то миг она была полной хозяйкой в моей голове. Могла вытащить из меня и имя, и фамилию, и что угодно.

Я невесело усмехнулся. Ну да. Вот так вот. Просто. Элементарно. А ты уже...

Ну и трус. Так легко повелся – на такой дешевый прием. И уже возомнил невесть что. Атаковать она, видите ли, может незаметно... Она обычная чертова сука. Сильная, чертовски сильная, но далеко не всемогущая. Всемогущи – только человеческие глупость и страх. Трусость.

Ну и трус...

Мне было стыдно, но куда сильнее было облегчение. Хорошо, что все обошлось. Но больше таких срывов быть не должно. Когда эта сука будет в форме, она мне таких ошибок не простит. Если, борясь с ней, я еще сам себя буду пугать... Все может кончиться очень невесело.

Я вздохнул. Покачал головой, разминая шею. Плечи ломило, руки отяжелели, как после хорошенькой тренировки. Хотелось под горячий душ, а потом растянуться на кровати...

Нет, дело еще не закончено.

Я встряхнулся и поплелся на улицу. Дождь все моросил. «Козленок» здорово осел под грузом инструментов и всего, что могло послужить ими. Я забрался за руль и завел мотор.

+++

Чтобы добраться до заброшенной деревни, пришлось сделать порядочный крюк – через шоссе. Напрямую в деревню было не проехать даже на «козленке». В дубовом лесу просто не было ни просеки, ни тропинки.

Разгрузка меня доконала. В какой-то миг я просто перестал чувствовать ход времени. Пакеты и сумки с инструментами, неожиданно легкие пакеты с каким-то мусором с кухни... Все это слилось в одну нескончаемую цепь походов к крыльцу дома и обратно к машине, и обратно к крыльцу, с новыми пакетами, и снова к «козленку»...

А потом пакеты неожиданно кончились.

Я огляделся. Словно проснулся.

Небо уже светлело. Похоже, всю ночь провозился я в этом подвале. Впрочем... Я оттянул рукав плаща и взглянул на часы. Девятый час уже. Значит, дело можно завершить прямо сейчас.

Это хорошо.

На меня наваливалась дикая усталость. Жутко не хотелось двигаться, даже рукой шевельнуть трудно. Хотелось сесть, а лучше лечь... Просто ничего не делать... Поспать, хоть немного...

Я встряхнулся.

Это хорошо, что почти девять. Все можно закончить прямо сейчас – и нужно закончить. Если я прилягу сейчас, то скоро уже не проснусь. А вот чертова сука к тому времени проснется...

Нет. Если я хочу проснуться самим собой – то заснуть рядом с ней можно будет только после того, как все доделаю. Чтобы проснувшись она поняла, что у нее ни одного шанса.

Я потер лицо, сел за руль, развернул «козленка» и покатил. Сначала обратно через деревню, но после мостика через ручей повернул не к указателю на военную часть, а в противоположную сторону.

Доехал до выезда на московскую трассу. По ней еще верст десять. До ближайшего крупного поселка.

Строительный рынок нашел быстро, а вот отыскать там то, что нужно, оказалось непросто. Поводки, готовые короткие цепи – это все не то. Слишком коротко. Слишком хрупко...

Я почти отчаялся, когда дошел до конца рынка и нашел еще одну похожую лавку.

Здесь, среди прочего, продавались и цепи для огораживания стоянок. Несколько толстенных, почти якорных цепей из хрупкого чугуна. За ними нашлась и катушка цепи потоньше, но из хорошей стали. Торговец достал стальной метр и «болгарку», выжидающе поднял глаза:

– Сколько пилить?

– Не надо.

У него поджались губы.

– Так вы берете или нет?

– Беру. Но пилить не надо. Давайте все.

– Все?.. Это что за стоянка-то...

– Мне не для машины, мне для цепи. Давайте вместе с катушкой.

Торговец хмыкнул. Поглядел на меня, потом на цепь, звенья которой были сделаны из нержавеющей стали в мизинец толщиной. Снова на меня.

– Это что у вас за кобелина-то такая, а?

Я вздохнул.

– Если бы кобель... Сука. Чертова сука.

Я расплатился и потащил тяжеленную катушку к «козленку». Крепкий стальной ошейник я нашел раньше.

II. ДИАНА

Ночью дождь кончился.

Я лежал, в комнате было темно и тихо. Совсем тихо. Я лишь не то слышал, не то чувствовал свое дыхание. И все.

Тихо – и пусто...

И еще холодно. Я закутался в простыню, как мог – но даже сквозь сон чувствовал холод. Чувствовал его и сейчас.

Встать – вылезти из-под простыни. Еще холоднее. Я лежал, дрожа под простыней, не решаясь высунуть из-под нее хотя бы руку.

Я лежал так, пока не понял, что больше не могу.

Больше не могу лежать, слушать эту тишину, чувствовать пустоту. Полную пустоту.

Вчера я лишь понимал, что произошло. А теперь это вдруг накатило на меня – и я *чувствовал* это, каждой стрункой души, каждой частицей тела.

Один. Совсем один.

Больше нет теплого чувства, что спина всегда прикрыта – нет и не будет уже никогда. Гоша больше нет.

Больше нет дома, где меня всегда ждут, и где я могу укрыться от любых неприятностей, от любых страхов. Старика больше нет.

Я вскочил с кровати, раздвинул шторы – свет, мне нужен был свет!

Но был рассвет – серый, равнодушный рассвет. И все в мире было такое же серое и мертвое.

Пруд, свинцовый и неподвижный, обжигает холодный даже отсюда. Вокруг всюду лужи. Ливень втоптал листья в землю, утопил в жидкой грязи. Как на грязном полигоне, где все изрыто треками танков. Грязь и лужи, лужи, лужи...

Дубы при свете дня были ужасны. Голые изломанные ветви – раскорячившиеся, искривленные, неправильные... Этот болезненный лес раскинулся во все стороны, заполнил все тревожным морем спутанных ветвей, до самого горизонта.

А сверху на все это давило небо. Серое свинцовое небо, однообразное и равнодушное.

И я чувствовал, что во всем мире нет ничего, кроме этого пруда, этого неправильного леса, тяжелого неба – и тишины. Пустота.

Полная пустота.

Совсем один...

Мне хотелось кричать, но я знал, что это не поможет.

Мне уже ничто и никогда не поможет...

Пустота.

Полная пустота... Звук был тих, но так неожидан, что я вздрогнул. Прислушался – и где-то внизу снова звякнуло. Железом о камень.

Я почти забыл о ней – о моем ручном паучке.

Ее совсем не чувствовалось. Ну совершенно. Ни касания, ни ветерка. Кажется, ей пошел на пользу вчерашний урок.

Нет, уже позавчерашний. Я спал часов двадцать, если сейчас рассвет.

Я раздвинул шторы пошире и стал натягивать одежду. Холодная и отсыревшая, но выбирать не приходится.

+++

Я спустился на первый этаж и шагнул было дальше, на виток лестницы в подвал – когда заметил, что оттуда тянется серебристая цепь.

Ах да... Я же специально взял не разрезанную, как можно длиннее.

Я повернул и двинулся вдоль цепи. Через холл, в левое крыло, – к столовой и кухне за ней. Толкнул прикрытую – не до конца, цепь не давала ей закрыться – дверь, и остановился.

Здесь было тепло и темно. Шторы опущены, в камине тихо гудел огонь. Женщина сидела за столом, в его дальнем конце, и сначала мне показалось, что это не мой ручной паучок, а кто-то другой.

Чистые, блестящие волосы, тщательно расчесанные. Белое, будто светящееся в полумраке лицо и шея. В черном бархатном вечернем платье...

Я поморгал, соображая, как она могла взять это платье из шкафа, если шкаф в ее спальне, далеко на втором этаже, она просто не могла туда пойти – цепи бы не хватило, да и я же там был, у этого самого шкафа, спал на ее кровати...

– Доброе утро, – сказала она и улыбнулась мне.

Я так и стоял в дверях, вцепившись в дубовый косяк. На меня накатило странное ощущение, будто все это происходит не со мной. Все было не так, все было чертовски неправильно. Я глядел на нее, а она все улыбалась мне, вежливо и приветливо.

Мне снова показалось, что это другой человек. Может быть, оттого, что я первый раз видел, как она улыбается. Улыбается мне.

Словно радушная хозяйка гостю.

– Вы хорошо спали? – спросила она. Не сипела, голос восстановился. – Я уже соскучилась. Наконец-то вы спустились... В ванную я попала, но вот до кухни...

Она подняла руку и подергала за цепь, поднимавшуюся с пола к ее шее. Последнее звено крепилось к прочному стальному ошейнику. Чтобы усесться во главе стола, ей пришлось выбрать цепь полностью, почти натянув ее. До кухни ей было никак не добраться.

Рукав у платья чуть сполз – странный, широкий и толстый какой-то... Черт, это же халат! Банный халат, а никакое не платье.

Что значит порода... В банном халате она смотрелась лучше, чем иные в вечернем платье.

– Гм! – она чуть нахмурилась, будто я не понял какого-то ее намека. – Я ужасно проголодалась, сударь.

Краем глаза косясь на нее – ох, не нравится мне ее улыбка и дружелюбие, – я обошел ее и прошел на кухню.

И только тут сообразил, что есть-то ей, пожалуй, будет нечего.

Ночью – не этой, которую проспал в ее постели, а прошлой, когда долбил пол в подвале и ездил за цепью, – я уже заходил сюда. Когда доделал в подвале, и ходил по всему дому, собирая инструменты. Ничего способного разбить цепь я здесь не нашел, но все-таки унести отсюда пришлось много. На разделочном столе рыжими кучками лежали пучки зелени – гнившей там полмесяца. На втором столе стояли готовые блюда – салаты, нарезки, мясо... стояли уже третью неделю. Морщась от вони, я сгребал все это в мусорные пакеты и оттаскивал к «козленку», а потом выбросил на деревенской свалке. Вместе с хрустальными салатницами, фаянсовыми блюдами, серебряными тарелками и золотыми блюдечками, в которых лежала вся эта гниль, – не до того мне было, чтобы еще и с мытьем посуды возиться. Да и не моя эта посуда... Хотя хозяйка вряд ли расстроится, когда узнает об этом. Едва ли вообще заметит пропажу. Сейчас столовая скрылась в тених, сжавшись до островка света перед камином, но прошлой ночью я включал там свет, когда проверял многочисленные серванты и высоченные буфеты, выстроившиеся вдоль стен, – набитые хрусталем и серебром.

Гниlostный запахок еще витал здесь. В высокие окна сочился серый свет. Все, что могло открываться – было распахнуто. Со всех сторон зияли полки шкафов, темные и пустые.

Ни консервов, ни запасов круп. Нет и не было. Не признавали здесь такое за еду, похоже. Как и всякие полуфабрикаты вроде сладких йогуртов, творожков и концентратных соков, – распахнутый холодильник тоже пуст, лишь в уголке непочатая бутылка топленого молока.

Рядом с большим холодильником второй, поменьше... Единственная закрытая дверца во всей огромной кухне. Странно...

Я распахнул ее – и тут же вспомнил, что прошлой ночью уже заглядывал сюда. На меня глядели доньшки винных бутылок. Выстроились рядами, горлышками вглубь термостата. Когда я отпустил дверцу, ее мягко притянуло обратно.

Ну и чем ее кормить?

И стоит ли...

Я прислушался к себе, не мазнет ли по вискам холодный ветерок.

По-прежнему ничего. Не придаться. Я вздохнул и стал осматривать шкафы, отыскивая хоть что-то съедобное. Прикрывая дверцы после осмотра.

Когда я добрался до последней, улов оказался невелик: стеклянная бутылка постного масла, несколько засохших булочек да три баночки с вареньем. В холодильнике кроме молока отыскалась еще плошка с топленным маслом. Все.

Ну, еще три склянки с разными уксусами, уйма разных приправ, две баночки кофейных зерен, множество чаев и еще какие-то травки, которые я не понял, для чего нужны – то ли тоже приправы, то ли для отваров. В любом случае, сыт этим не будешь.

Медленно двигаясь по кухне, я внимательно прислушивался, не пытается ли она влезть в меня.

Ни малейшего касания.

Надо бы радоваться, но почему-то меня это настораживало... Или это я ее так напугал вчера? Хорошо, если все дело в этом... Да только не выглядит она напуганной. Ни капельки.

И ее приветливость мне не нравится.

– Почему вы вернулись? – донеслось из столовой. – Что случилось?

Та-ак... Вот, значит, для чего были все эти улыбки?

Я распилил булочки на половинки, sprysнул водой и запихнул в микроволновку.

– Так почему вы вернулись? – снова позвала она.

Я лишь хмыкнул, не отвечая. Может быть, Гоша больше нет, но его слова я помню хорошо: знание – половина силы.

– Чай или кофе? – спросил я.

– Молока, будьте так добры.

Я вытащил подогретые булочки, ставшие мягкими. Составил на поднос масло, молоко и баночку черничного варенья. Нашел стакан, золотую ложечку, серебряный нож и понес все это в столовую.

– Так почему вы вернулись? – спросила она.

Я стоял за ее спинкой ее стула, но она не оборачивалась. Говорила вперед, будто не со мной:

– Я хорошо помню, вы не собирались возвращаться. Если бы это было так, я бы обязательно почувствовала это.

– Не почему, а *зачем*.

Я шагнул к ней. Она повернула ко мне голову, но тут же отвела взгляд. Прежде, чем я успел заглянуть ей в глаза.

Не хочет встречаться со мной взглядом? Не желает показать свой страх?

– И зачем же? – спросила она.

По ее тону не скажешь...

– Будете учить меня.

– Учить? Вас? – она бросила на меня быстрый взгляд, и снова отвернулась. – Чему же?

– Разным смешным фокусам. Как бегать по паутинкам, не прилипая и не запутываясь. Не поднимая глаз, она улыбнулась.

– О, об этом я догадалась сама. Но почему вы не хотите учиться... м-м... *смешным фокусам* там, где разучивали их раньше? С той, что учила вас прежде? – Она быстро взглянула на меня, но снова отвела взгляд быстрее, чем я успел что-то разобрать. – Или с ней что-то случилось? И где те, кто были с вами? Почему они не с вами? Или... им больше не нужно учиться... м-м... *разным смешным фокусам*?..

Я бухнул поднос на стол перед ней. Нож подпрыгнул и звякнул о стакан.

Но она даже не посмотрела на еду, она продолжала смотреть куда-то в дальний конец стола, скрытый в темноте.

– Мой господин не желает разговаривать?

Она все улыбалась, и ее спокойная улыбка бесила меня. Будто она по-прежнему тут хозяйка! А я – безобидный оловянный солдатик, которым можно играть как угодно.

– Слишком много вопросов... мой ручной паучок.

Она дернулась, как от пощечины. Виски обдало холодом.

– Не нужно этого!.. *сударь!*

Ее ноздри дрожали от гнева.

Холодное касание ушло, но я чувствовал, что она все еще едва сдерживается. И еще занозой засело: снова это странное «сударь», сказанное без тени иронии. Словно вырвалось из каких-то далеких времен, когда это было обычно...

Она взяла себя в руки. Уставилась в стол перед собой, положив пальцы на край столешницы. Длинные, тонкие. И спокойные. Когда она заговорила, слова падали тихо и мягко, как снег:

– Не нужно этого... Влад.

Она помолчала. Я стоял рядом, разглядывая ее красивые пальцы. Она перебрала ими по краю стола, как пианист, пробуя клавиши.

– Боги играют в странные игры, Влад. Я не искала вашего общества, да и вы моего, уверена, тоже не жаждали, если бы не какие-то обстоятельства, вынудившие вас вернуться. Но раз ниточки наших судеб переплелись, и, кто знает, возможно, надолго, давайте не мучить друг друга сверх необходимого... Если я сейчас обидела вас, простите. Я постараюсь быть осторожнее. А вы... вы меня очень обяжете, если будете обращаться ко мне... просто по имени. Диана.

Диана... Странное имя. Редкое.

Но красивое. Как и ее длинные пальцы.

– Хорошо... Прошу прощения, Диана.

Она вскинула на меня глаза, и на этот раз не отвела взгляд – и я понял, что она куда сильнее, чем мне казалось. Если сейчас в ее глазах и был испуг – то очень глубоко. Глубже, чем я мог заглянуть. А вот что там было...

Кажется – или там промелькнул вполне добродушной интерес? Приятное удивление?

Сейчас, в теплом свете камина, ее глаза были глубокого миндального оттенка, с зеленоватыми прожилками-лучиками, расходившимися от зрачков.

Она улыбнулась, и на этот раз ее улыбка не взбесила меня. Это была совсем другая улыбка.

Но она уже не смотрела на меня. Втянула ноздрями воздух.

– М-м-м!

Взяла нож, половинку булочки, стала намазывать масло.

Я сообразил, что как зачарованный смотрю на ее пальцы – длинные и ловкие. Она касалась серебряного ножа самыми кончиками, но управлялась с ним удивительно ловко.

Я обошел длинный стол и сел с противоположного края.

Сидел и смотрел, как она ела. Мне есть совершенно не хотелось.

Мне вообще ничего не хотелось... Разве что – каким-то чудом вернуть все на неделю назад, когда Гош нашел машину жабы и усатого.

А лучше на три. Вернуться в ту ночь, когда я в первый раз влез в этот дом.

Вернуться – в тот миг, когда я стоял на краю ее личного погоста и решал, что делать дальше.

Вернуться – чтобы повернуться к дому спиной и уйти прочь. Чтобы не было ничего, что случилось потом.

Чтобы я мог забыть все то, что есть сейчас, как бредовый сон – и оказаться в городе.

В доме Старика, и чтобы он разливал чай, и поскрипывало его кресло-качалка, и пахло бергамотом и старыми книгами...

Она вдруг положила нож, аккуратно закрыла баночку с вареньем. Отодвинула от себя стакан и бутылку с молоком.

И посмотрела на меня. Очень серьезно.

– Мальчик. Упрямый и совсем одинокий мальчик...

Я тряхнул головой, прогоняя слабость. Заставил себя улыбнуться и, как мог мягче, сказал:

– Не такой уж одинокий, мой ручной паучок.

Она нахмурилась.

– Кажется, мы только что договорились, что... – Она замолчала, разглядывая меня. Вдруг улыбнулась: – Ах, вы решили, будто я так хотела... – Ее улыбка изменилась. – О! – Свет камина играл на ее лице, а в глазах плясали смешливые огоньки. – Прошу простить меня, мой господин.

И огоньки пропали. Она снова смотрела на меня серьезно и очень внимательно.

– Просто мне показалось, что после того, что вы и ваши товарищи сделали здесь, вы наткнулись на кого-то удачливее меня. Охотники превратились в жертв, и из всей вашей ватаги уцелели только вы, Влад...

Я заставил себя ухмыльнуться. Не уверен, что моя ухмылка обманула ее. Она грустно улыбнулась.

– Разве я не права? – спросила она мягко.

Слишком мягко.

Я внимательно прислушивался к себе, нет ли холодного ветерка. Малейшего, самого легкого... незаметно продувает мою защиту, и тихонько струится дальше вглубь меня, незамеченный.

Но я ничего не чувствовал. Она не пыталась влезть в меня.

Она опять грустно улыбнулась и покивала. И без холодных касаний видела меня насквозь.

– Иногда лучше выговориться, Влад, – сказала она. – Станет легче. Поверьте мне.

Это уже забавно! Я почувствовал, как сжались зубы.

– С чего бы такое участие?

– Я вижу, как вам плохо, – все так же мягко ответила она.

– А вам это не по вкусу?

Но она опять не обиделась.

Долго смотрела на меня. Я сосредоточился, ждал – вот теперь-то точно она попробует...

Но она не попробовала. Лишь пожала плечами:

– Не стану лукавить, я вовсе не желаю вам добра... *просто так*. Но пока я ваша пленница, пока я в полной вашей власти...

– Пока? – усмехнулся я.

– ...моя участь будет тем легче, чем легче будет у вас на душе. Я единственная здесь, на ком вы можете сорвать злость.

Она снова грустно улыбнулась.

И я по-прежнему не чувствовал ни малейшего касания. Она соблюдала наш вчерашний договор.

И, может быть, она в самом деле хотела успокоить меня?

– Вы остались совсем один, Влад...

Не ради меня, конечно. Ради себя. Но иногда и кошка, что ластится и трется о ноги, успокаивает. Хоть немного, да успокаивает... А у Дианы были очень красивые глаза. Сейчас внимательные и понимающие.

И стоит ли притворяться – теперь, когда уже ничего не изменить?.. К чему? Иногда и вправду лучше выговориться...

– Кроме вас никого не осталось... – мягко роняла слова она.

Я вздохнул, и уже почти кивнул, соглашаясь принять ее участие...

– Совсем никого... – все падали ее слова.

Она сказала это мягко как прежде – а все-таки чуть иначе.

Вопрос. В глубине души для нее это был вопрос. И тень вопроса проскользнула в ее голос. Выдала ее.

Я удержал кивок.

Черт возьми! Почти попался, как доверчивый хомячок! Размяк, и чуть не выложил ей все, что она хотела знать – и что могло стоить мне жизни. Чертова сука...

Раздражение рвалось из меня, но я заставил себя сдержаться. Сначала поднялся со стула и шагнул к камину. Встал спиной к нему.

Так и теплее, и лица моего ей теперь не разглядеть. А вот ее лицо, когда она попытается взглядеться в меня, – ее лицо будет освещено до мельчайших деталей.

– Диана, вы так добры ко мне... Так участливы... – Только теперь я позволил себе улыбнуться, хотя не уверен, что это походило на улыбку, скорее на злой оскал. – У меня просто сердце кровью обливается, глядя, как вы пытаетесь выведать, что да как с моими друзьями, отчего да почему я здесь...

Я пытался разглядеть, как изменилось ее лицо. Но по ее лицу не прошло ни тени.

Ладно, сука! Я продолжил, чеканя слова:

– Глядя на все это, и заранее зная, что вам – это – не поможет. Вам *ничего* не поможет. Вы ничего не можете сделать, чтобы освободиться. Понимаете? Ни-че-го. – Кажется, что-то в ее лице изменилось. – И поверьте мне, вам лучше даже не пытаться. Ни той паутинкой, – я коснулся пальцем лба, – ни словесной.

Она лишь покачала головой, грустно глядя на меня. Будто все это время пыталась увещевать глупого упрямого ребенка, но теперь вынуждена признать: все бесполезно.

И, кажется, ни капельки не играла...

Хорошо, что я стоял к камину спиной. Не уверен, что сейчас я мог бы скрыть свои чувства. Черт возьми... Неужели – ошибся? Мне всего лишь *показалось*, что она хочет что-то выведать? Я *сам* себя убедил, что она изо всех сил старается узнать, остался ли я совсем один, или есть кто-то еще, кто-то, кто может прийти мне на помощь, если она попытается подмять меня... Убедил себя, что *это* интересуется ее – потому что *сам* боюсь этого. Потому что *мне* это очевидно, потому что *меня* это грызет... Так? Тогда я только что чуть сам не подсказал ей, где мое слабое место, и на что ей можно надеяться. А может быть, и подсказал...

Черт возьми! Если я настолько не могу предсказать ее, то как же я буду с ней тренироваться? Ч-черт...

Она вздохнула, отвела глаза. И вдруг словно сбросила оцепенение. Живо оглядела остатки завтрака, положила нож на тарелку и заговорила, как ни в чем не бывало:

– Благодарю вас. Теперь, если вы позволите, я оставлю вас. – Она поднялась, шагнула от стола в темноту, где спрятались двери, но остановилась. Повернулась ко мне. – Да... А книга у вас?

– Что?

Хотя я понял, о чем она говорит. Все-таки я был прав. Не ошибся! Она в самом деле пыталась узнать, что у нас случилось. И все еще не оставила попыток. Не прямо, так окольными путями, но пытается. Знание – половина силы, не так ли?

– Книга у вас? – спросила она.

– Какая книга?

– Книга, которая была у алтаря, – сказала Диана.

И которую мы взяли. Потому что мы всегда берем книги сук – чтобы по крупичкам выковыривать оттуда знание. И именно поэтому те пурпурные должны были забрать все книги в живых обложках из дома Старика. Потому что они, наверно, всегда так делают, и Диана это знает. Затем и спросила.

– А, та... – скучно протянул я. – «О четырех сущностях»... – Хотел бы я еще знать, о каких же сущностях шла речь. Я знаю только два рода чертовых сук. Даже Старик не понял, в чем там дело. – Ваш экземпляр был как-то помечен? Или другая такая же подойдет?

Диана очень внимательно глядела на меня, и я вдруг почувствовал, как холодным ветерком потянуло по вискам. Мигом собрался – но ветерок пропал еще раньше. Она одернула себя. Эта попытка проверить мои слова была у нее рефлекторной.

– Ай-яй-яй.

– Прошу прощения... – Она улыбнулась. – Привычка – вторая натура.

– Бросайте дурные привычки.

– Постараюсь... – в ее улыбку прокралось смущение, искреннее, незлое.

Если бы я только сейчас увидел ее впервые и не знал, кто она такая, – я ни за что на свете не поверил бы, что эта улыбка наигранная. Что эта женщина та, кем является на самом деле.

Чертова сука! Ну почему эта дрянь – и такая красивая? И с такой теплой улыбкой... Но ее словесного капкана я, по крайней мере, избежал. Готов спорить, она уже забыла про книгу.

– Лучше мою, – сказала она, – но подойдет любая. Будьте так любезны.

И, не дожидаясь ответа, она развернулась и пошла к дверям.

Книга... Ну и где я теперь возьму эту чертову книгу?

Но куда больше меня злило – да что там, злило – бесило! – что я снова промахнулся. Опять. Второй раз подряд. Просто упертый параноик какой-то! Всюду чудятся ловушки – а она просто хотела получить книгу для алтаря...

Я глядел, как легко она шла через длинную столовую, стройная и длинноногая, уплывая в тени. Спокойная и расслабленная. Принявшая условия договора и поверившая, что и я буду их соблюдать. Даже по ее расслабленной осанке можно понять, что она и не думала строить какие-то хитрые ловушки, а просто спросила...

Я глядел ей вслед, все сильнее злясь на самого себя. На свою подозрительность – и глупость. Нет ничего смешнее, чем подозрительный дурак. И нет ничего хуже подозрительного дурака, которому надо тренироваться с чертовой сукой. Мне надо выжать из нее максимум пользы – а мне всюду чудятся ловушки! Чертов трус... Если и дальше так ошибаться в ней, как можно надеяться добиться от тренировок с ней хоть какого-нибудь толку?... Чертов трус!

Наверно, я бы так и остался исходить злостью – если бы не буфет сбоку от дверей. Сам буфет я не видел, темное дерево тонуло в тенях, а полированные стекла отражали свет камина в другую сторону. Стоя у камина, я видел тот угол пустой темнотой. И она, идя к дверям, тоже. И вдруг в этой темноте возникла Диана, освещенная отражением камина. Ее лицо... напряженное и раздраженное.

Она испуганно вскинула глаза – мне показалось, прямо на меня – но она, конечно же, взглянула на неожиданно возникший из темноты прямо перед ней камин. Если и успела разглядеть меня – то лишь темной тенью на фоне пламени.

Всего миг я видел ее лицо, потом она шагнула дальше, и снова затерялась в тенях. Черный халат растворился в темноте, лишь едва белели ноги да шея.

Всего миг, но мне этого хватило. Чертова сука! Чуть не провела меня.

Но зато теперь... Я почувствовал, как губы расходятся в усмешке. Сама попалась в свой капкан. Теперь она еще сильнее запутана – и напугана. Тем проще будет заставить ее делать то, что нужно *мне*. Добиться от нее чего-то действительно полезного.

Замечательно.

+++

Солнце даже не угадывалось за облаками. Бесцветный свет лился с неба, такой же холодный и равнодушный, как в тот проклятый день, когда я очнулся на дороге возле дома жабы. Тогда было такое же небо.

Предзнаменование?

В груди противно заныло. Захотелось вернуться в дом, в зашторенную столовую – в темноту и теплый свет камина, где не видно этого проклятого неба. Но я должен проверить, что же там случилось.

Да и два дня прошло, как-никак. Теперь не так опасно. А кроме того...

«Козленок» стоял перед крыльцом, у самой основания левой лестницы, но я спустился по правой и пошел вокруг дома. Пропитавшаяся водой листва чавкала под ногами. Следы сначала заполнялись водой, словно черные оконца в ковре листвы, и лишь потом гнилые листья заново разбухали и возвращались на прежнее место.

Дальний угол старой конюшни казался совсем развалившимся, но ворота гаража, сырые от дождя, встречали сочным зеленым цветом. Внутри едва слышно гудел электрогенератор, спрятавшись за перегородкой в дальнем углу. Оттуда тянуло теплым металлом и соляркой. Ночью я его не слышал, только видел, как лениво подмигивал зеленый огонек. Сейчас огонек нервно дрожал, генератор работал. Утренняя ванна Дианы? Ванна там огромная, а Диана, похоже, любит поплескаться в горячей воде. Разрядила все аккумуляторы, теперь пока зарядятся...

Но мне не туда. Я щелкнул выключателем. В глубине гаража вспыхнул яркий желтый свет, из темноты вынырнул пурпурный «Ягуар» и черный «мерин».

Обводы у «Ягуара» куда лучше – рука так и тянется провести по сверкающему полированному крылу. Этим-то и плохо. Слишком цепляет глаз. А мне сейчас лучше поменьше внимания. Я обошел пурпурную зверюгу и забрался в «мерина».

В салоне пахло кожей и чем-то еще. Чем именно, не разобрать – может быть, какой-то освежитель? Не знаю. Но приятно. Похоже на хвою, но чуть иначе.

Ключ был в замке. Легкий поворот – и двигатель мягко завелся. Осветилась приборная доска, а из-за задних сидений донесся какой-то непонятный звук. Потом громче, но чуть иначе...

Пока я сообразил, что это автоматически включилась магнитола, руль под пальцами потеплел. Одурающе пахло кожей, руль согревал пальцы, а из невидимых колонок, словно извне машины, из далекого далека, но очень чисто, хрустально лился второй концерт Рахманинова.

Пару минут я просто сидел, привыкая. И наслаждаясь, как ни погано было на душе. Словно в другой мир попал.

Главное, не привыкать. Как ни весело «козел» прыгает по кочкам, но до руля с подогревом там дело не дошло. Да и кожаный салон внутри него будет смотреться странно... А жаль. Было бы неплохо.

Я вздохнул и медленно тронулся.

Объехал дом и остановился перед «козленком». Отсюда, из-за тонированного стекла «мерина», он казался особенно неказистым и потрепанным жизнью... и несчастным. Бездомный козленок-сирота.

– Все равно тебя не брошу, потому что ты хороший, – пробормотал я, но не сразу вылез из машины.

Оказалось, уже пригрелся. Сиденье тоже с подогревом. И за поясницей. Лезть на холод не хотелось. Но охотничий набор надо забрать. Мало ли...

+++

К Смоленску я добрался уже затемно. Пару раз начинался и затихал дождик. Дороги стали мокрые и черные-черные, фонари и фары будто ярче светились.

Машину я оставил возле недавно отстроенной семиэтажки, с отделанным гранитом первым этажом. Машины перед домом были под стать, среди них и мой «мерин»... ну, не совсем мой. В любом случае, здесь он не лез на глаза.

Я вылез из машины, и осенний воздух окатил меня ледяной волной, обостряя чувства. Я передернул плечами и застегнул плащ. Достал из багажника рюкзак и зашагал к перекрестку. До пустыря отсюда версты полторы.

Фонарей становилось все меньше, дома ниже и обшарпаннее, потом перешли в гаражи, пошли огороженные территории, еще пять минут, и я вышел к пустырю.

Когда четверть часа назад вылезал из машины, я был спокоен, как слон. Мне и сейчас казалось, что я спокоен – по крайней мере, в голове было чисто и без сумбура. Но что-то в глубине души считало иначе. Голова была чистой, но сердце предательски молотилось, а пальцы дрожали. По спине, несмотря на ледяной ветер, сбегали струйки холодного пота.

Я облизнул губы, потом достал фляжку и сделал два приличных глотка. По желудку расплзлось тепло. Через пару минут и в глубинах души потеплеет. По крайней мере, должно.

Все фонари остались далеко позади, луны не видно, но облака сами светились рыжеватым, рассеивая свет городских огней. Что-то видно.

Я втянул сырой воздух, быстро оглядел одноколейку, огибающую пустырь – все чисто – и шмыгнул через нее, пригибаясь.

Дальше только кусты и пригорки. А где-то впереди дом Старика.

Куст слева раскорячился по земле, сломанный. Я же его и сломал, когда два дня назад судорожно гнал «козленка» прочь. Только теперь я шел куда медленнее.

Прислушиваясь.

К тому, что снаружи, – и к тому, что внутри меня: к предчувствию. Не шевельнется ли? Я привык ему доверять.

Пригнувшись, с каждым шагом все медленнее. Змейкой между земляных бугров, не высовываясь.

Но если кто-то и попался мне на пути, я его не заметил, а он поднимать тревогу не стал. Предчувствие молчало, и постепенно пальцы перестали дрожать. Сердце билось ровнее.

Когда между мной и домом осталась пара пригорков, я остановился. Рюкзак я тащил в руке, готовый бросить его в любой момент и дать деру. Теперь я положил его на землю и, скрючившись в три погибели, забрался к вершине пригорка. Выглянул чуть сбоку от вершины, как Гош учил.

Дом Старика был прямо перед мной. Шагов сорок. Черная тень на фоне неба, рыжеватого от городских фонарей.

Окна не горят, но это еще ни о чем не говорит.

Минут пять я разглядывал дом, не мелькнет ли в темных окнах какой-нибудь отсвет изнутри. Сырая и холодная земля леденила пальцы, но я терпел. Прижимался к самой земле, и ждал.

Ни огонька внутри. Но и это еще ни о чем не говорит.

Я сполз обратно к рюкзаку, подцепил его и потихоньку двинулся влево, обходя дом под защитой пригорков и кустов. Когда оказался сбоку от дома, так, чтобы видно было крыльцо, я выбрал место поудобнее.

Пригорок помельче. Меньше привлекает внимания. На противоположном дому склоне разложил спальный мешок. Затем закрепил рядом на ветке куста небольшое зеркальце. Пришлось повозиться, но в конце концов я установил его так, чтобы видеть крыльцо, не высываясь из-за пригорка.

Тогда я запахнул плащ и устроился на спальном мешке, не сводя глаз с зеркальца. Ждать предстоит долго, но я это умею.

+++

Фляжка наполовину опустела, когда в ветвях куста что-то шевельнулось. Я прищурился, вглядываясь в зеркальце, но припустивший дождик смазывал отражение, и без того-то едва различимое. Я перевернулся и выглянул из-за пригорка.

У крыльца шевелились тени, тихо переговаривались. Слов я не разобрал, но голоса мужские, и явно больше двух.

Я не стал вслушиваться – пустая трата времени. Еще раз оглядел площадку перед крыльцом, убедился, что машин здесь нет, сполз с пригорка вниз и тихонько стал двигаться влево. Вокруг дома, подбираясь к подъездной дорожке.

Через две минуты и три пригорка я выглянул.

Дом снова стоял темный и тихий. Прочь от него – прямо ко мне – скользили две тени. Я двинулся вдоль дорожки, прячась за пригорками. Осторожно раздвигал ветви кустов. Дождик скрадывал звуки.

За двумя теньями я дошел до конца подъездной дорожки. Мне приходилось петлять, они шли быстрее и потихоньку уходили от меня, в конце концов я перестал угадывать их в темноте.

Я остановился и обратился в слух.

Шелест дождика...

Через пару минут где-то недалеко хлопнули дверцы, заурчал мотор. Взревел громче, вдали между кустов мазнули лучи фар. Затрещали, ломаясь, кусты. Звук мотора снова изменился – машина выбралась на дорогу и пошла быстрее. Все дальше и все тише. Через минуту все стихло.

Что и требовалось доказать.

Я достал из кармана часы, подсветил. Двенадцать минут первого. Что ж, тоже предсказуемо.

Уже не скрываясь – до дома слишком далеко, чтобы заметили, даже если у них ночная оптика, – я двинулся туда, где видел отсветы фар.

Вторую машину я нашел легко. «Мерин». Я осветил его фонариком, хотя и так знал, какого он цвета. Черный с малиновым отливом, – в свете красного фонарика малиновый. А если на обычном свете, то отлив должен быть пурпурный.

Уверен, что и тот, который уехал, был такой же...

Я вздохнул. От дома сюда пришли двое. Значит, и внутри сейчас столько же. Свежая смена. И похоже, эти ребята толк в своем деле знают. Мне с ними не тягаться. Пока они сидят в доме, мне туда не попасть.

Хотя...

Я потер подбородок. Потягаться можно. По крайней мере, попробовать.

Но стоит ли?

Едва ли в доме остались тела или книги. Так что я узнаю, даже если справлюсь с теми двумя? Ничего. А вот их смена поднимет тревогу: кто-то из выживших вернулся. И если сейчас ребята формальничают, то потом меня будут ждать целенаправленно и всерьез.

И не только здесь. А может быть, и искать. Оно мне надо?

Я вздохнул и поплелся обратно.

+++

К дому я добрался уже глубокой ночью. В просветах облаков вместе со мной бежала луна. Едва я вошел, как наткнулся на Диану.

– Добрый вечер... мой господин, – с улыбкой добавила она.

– Добрый, – пробурчал я.

К черту такие добрые вечера...

Я прошел в столовую, к потрескивающему камину. Протянул руки, греясь – и теплом, и видом огня. Давая ему вымыть из меня тот холод, что остался от дома Старика – черного, покинутого, превращенного в западню...

Я закрыл глаза, хотел расслабиться – но тут за спиной загремела цепь.

Огонь притягивал взгляд, но я все-таки оглянулся.

Диана подошла ко мне, встала рядом. Тоже протянула руки к огню. Я посторонился, давая ей место.

И какого дьявола ее потянуло сюда – именно сейчас? Рядом с чертовой сукой расслабиться невозможно – и нельзя. Кто знает, не станет ли она тихонько копать в моей голове, подслушивая?

Еще хуже было то, что стоять на одном месте она не захотела. Присела к столу, снова подошла к камину, потом ушла в глубину комнаты, где под зашторенными окнами стояли большие кресла, но не просидела там и минуты, снова подошла к камину, но на этот раз встала по другую сторону от меня – и мне опять пришлось сдвинуться в сторону...

Она крутилась вокруг, гремя цепью, словно дюжина домашних кошек, изнывающих от безделья.

А, черт с ней! Черт с ним, с камином! Не суждено мне сегодня спокойно погреться у огня...

Я двинулся к дверям, но Диана тут же загремела цепью следом. Этого я уже не выдержал.

– Да какого дьявола, Диана!

– Прошу прощения?

– Что вы ходите за мной по пятам?!

Диана глядела на меня, приподняв брови.

– Но...

– Что вы крутитесь вокруг, будто вам от меня что-то надо?!

– О!.. Я надеялась, мой господин будет так добр, что...

Она замолчала, лишь легкая улыбка гуляла по ее губам.

А меня уже бесило от ее издевательского «мой господин». И так весь день наперекосяк, и еще она!

– Что?! – рявкнул я.

Диана смиренно опустила глаза. Слишком уж смиренно...

– Что ж... Если мой господин желает заморить меня голодом... Что ж... – Не поднимая глаз она сделала книксен и отступила на шаг, будто и вправду решила, что ее господин уже сказал все, что счел нужным, и больше не удостоит ее ответом, а надоедать ему она не смеет.

– Ч-черт... – Она же жрать хочет... А здесь нет ни крошки, если не считать пряностей и травок. – Совсем забыл...

– Как? Вы в самом деле ничего не привезли?

Я потер лоб.

В самом деле не привез... Но тренироваться с ней я должен. Значит, и пожрать ей что-то надо дать.

– Ладно... Сейчас.

Я вышел из дома и спустился к «козленку». Достал из сухого пайка пачку галет и банку тунца и вернулся в столовую.

Диана уже заняла свое место, нетерпеливо перебирая пальцами по столешнице. Но увидев, что я принес, азарт на ее лице сменился разочарованием.

– Что это?..

– Это – рыба. Это галеты.

Я разорвал упаковку галет и вскрыл банку тунца. Принес из кухни вилку.

Диана с сожалением посмотрела на меня – кажется, она еще и тарелку ждала? Перебьется. Из банки поест, ничего с ней не делается.

Она с опаской приюхивалась к содержимому, затем осторожно подцепила на вилку несколько мясистых волокон.

– Это – рыба?

– Тунец. В масле.

– Но... – с сомнением протянула Диана.

По виду он и в самом деле больше походил не на рыбу, а на вареную говядину, мелко изрубленную. По вкусу тоже.

– Это между горбушей и постным мясом.

Диана поднесла маленький кусочек к губам, очень осторожно начала жевать... и, кажется, осталась довольна. Но ела она очень медленно. Галету не откусывала, а ломала на кусочки, прежде чем поднести ко рту. Рыбу ела крохотными кусочками.

Я вернулся на свое место и терпеливо ждал, пока она доест.

– Вы, простите, вообще никогда не готовите?... – спросила она. – Даже себе?..

– Ешьте, Диана, – посоветовал я.

– Нет, рыба неплоха, хотя вкус и необычный... Но питаться ею одной, изо дня в день... – Она вздохнула. Промокнула кусочком галеты остатки масла в банке. – Может быть, бокал вина, Влад?

– Нет.

– Почему же нет? Вино есть, Влад. Возле холодильника термостат, он похож на маленький холодильник...

– Я видел. Нет, не надо вина.

Пару секунд Диана хлопала глазами, будто я ее чем-то ужасно удивил. Потом смущенно рассмеялась.

– Хм... – она скептически поджала кончики губ. – Если мой господин не хочет вина, тогда, может быть, вы *мне* нальете? Там есть...

– Нет, – оборвал я.

– Отчего же?

– Вы еще тунец не отработали.

– Прошу прощения?

– Коснитесь меня.

Диана вскинула брови. Но поднялась и, непонятно улыбаясь, двинулась было ко мне вокруг стола.

– Не так! Здесь, – я коснулся пальцем лба.

– Но вы же запретили мне, Влад, – улыбнулась она, на этот раз откровенно издеваясь.

– Диана... – предостерег я.

– Там коснуться... Хорошо. – Она улыбнулась. – Но помните, вы сами разрешили мне коснуться вас так, как мне захочется.

– Нет!

Как ей захочется... Еще чего!

– Прощу прощения?

– Не как вам захочется.

– Как же?

– Нежно. Как поцелуй.

– Поцелуй... Страстный?

– Нежный и робкий. Остановитесь по первому моему слову.

– Что ж... – с напускным сожалением вздохнула Диана. – Как мой господин скажет...

На виски налетел прохладный ветерок. Коснулся, и повис рядом, не пытаюсь проникнуть.

– Сильнее, – сказал я. Прикрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться. – Очень осторожно и медленно, попытайтесь что-то сделать...

– Что угодно? – спросила Диана, и ее тон мне не понравился.

– Нет. Что-то... – Нужно что-то мелкое, незначительное. Что-то простое, и не лежащее глубоко во мне. А главное – никак не относящееся к ее освобождению.

– Так что же?

– Вы хотели бокал вина, кажется?

– Хочу... – поправила меня Диана, и в тот же миг ветерок сгустился – и распался на ледяные щупальца, опутывающие меня.

Как поезд из туннеля, на меня налетел образ распахнутого термостата, горлышки бутылок, и *надо* одну достать... прямо *сейчас*...

– Легче! Легче!

Ее хватка ослабла – и я вытолкнул из себя навязанный образ.

Щупальца хоть и стали слабее, но быстро скользили по мне, отыскивая слабины, норovia заползти, да поглубже... и зацепиться там. Чуть-чуть изменить меня... Я вытолкнул самое настырное щупальце, но еще два заползали в меня другими путями. Одно я вытолкнул быстро, второе успело присосаться. Я почувствовал укол жажды.

Я заставил себя отрешиться от навязчивого образа воды, струящейся по губам в рот. Выровнял свои желания. Внимательно следил не только за ее касаниями, но и за собой – сфера, идеально ровная, без единой вмятинки, таким и должен оставаться...

Ее касания оставались несильными, но были все быстрее – и хитрее.

Две недели назад, когда она, шатаясь на четвереньках после моего удара, пыталась атаковать меня – она была куда медленнее. Мне казалось, что я рассмотрел все ее финты, запомнил их, и даже сообразил, как надо их отражать или уклоняться. Но то ли времени прошло слишком много, то ли она была слишком слаба в тот момент... Какие-то финты я узнавал, но даже их не успевал отражать достаточно быстро.

Она проскальзывала за мою защиту и успевала чуть изменить меня – прежде, чем я вытолкнул ее. К жажде и желанию пригубить вина – о, этот легчайший вкус винограда! стал еще лучше, чем когда был соком! – присоединился порыв поделиться с кем-то. Угостить вином. Угостить *ее*...

Щупальца слабые, но слишком быстрые для меня. И слишком много, я уже не успевал их вытаскивать. Они сплетались в единую ледяную сеть, вцепились в меня уже *под* моей защитой – смятой, растерзанной, дырявой как решето...

– Хватит... – просипел я. Горло словно в самом деле пересохло, а губы стали чужими. – Хватит. – Холодная хватка перестала стискиваться – но и не отпускала, медлила. – Хватит!

Ледяные щупальца неохотно выползли из меня.

Я открыл глаза. Только сейчас заметил, что с меня градом льет пот. Вымотался так, будто полдня в спортзале качал железо.

А часы в углу не намерили и пяти минут.

Диана с улыбкой смотрела на меня. Устала она не больше, чем если бы играла с котенком веревочкой.

– Может быть, *теперь* по бокалу вина?

Желание выпить вина еще сидело во мне, медленно затихая.

Пошатываясь, я встал и поплелся на кухню. Открыл термостат, озарившийся тусклым багровым светом. Горлышки бутылок уставились на меня вражеской батареей.

Наугад вытащил одну – оказалось какое-то красное, затем нашел штопор и бокал, вернулся в столовую и поставил на стол.

– Вы не могли бы... – Диана не договорила, глядя на меня с легкой улыбкой.

Пришлось еще и бутылку ей открыть. Я плеснул ей вина и стоял рядом, глядя, как она тихонько потягивает из бокала. Наконец решился.

– Насколько сильно вы давили, Диана? Вполсилы?

Она лишь улыбнулась.

– В треть?..

– Трудно сказать, у меня нет внутренней мензуры... Но думаю, не больше осьмушки. – Она отпила глоток. Закрыв глаза, не спешила глотать. Потом сладко улыбнулась: – Или осьмушки четвертушки. Или треть четвертушки осьмушки. Мой господин действительно думает, что точность в данном случае способна что-то изменить?

– Совсем безнадежно?

– Ну, почему же... Лет за двадцать, думаю, поправимо. – Диана ослепительно улыбнулась мне: – Говорят, даже зайца можно научить стучать в барабан.

Вот даже как...

Потирая лоб, я поплелся к двери. В висках, за бровями ломило.

На что я надеялся, когда приехал сюда, когда возился в подвале? Неужели я правда надеялся, что смогу обучиться противостоять этим сукам один в один? Неужели всерьез верил в это?..

На меня вдруг навалилась усталость и отчаяние. На что я надеюсь? Как я смогу что-то делать в одиночку против этих чертовых сук, если она одна, напуганная и на цепи, с такой легкостью размазывает меня по стенке?..

– Влад!

Я уже взялся за ручку двери. Оборачиваться не было сил. Я просто стоял и ждал.

– Вы сейчас никуда не спешите?

Так... Решила попытать меня, пока у меня голова мутная? Думает, проболтаюсь, зарпортовавшись?

– А что?

– Просто я подумала... Если вам не трудно, не могли бы вы принести мне платье? Мне неловко ходить в одном халате... перед моим господином. – В стеклах буфета я видел ее улыбку.

Я вздохнул и толкнул дверь. Дом был темен и тих, мои шаги отдавались гулким эхом. Я поднялся в свою – *теперь* мою – комнату и распахнул шкаф. Шелк, бархат, батист и кружева,

золотое шитье... Шкаф был в длину метра четыре, и все четыре метра были набиты платьями. Ну и чего ей нести?

Думать не было сил – на что я надеялся, когда решил вернуться сюда? все зря, все зря... – и я сгреб в охапку, сколько мог, приподнял, чтобы вешалки соскочили с перекладины, и потащил все это вниз. В комнату слуги, где теперь обитала Диана.

Бросил платья на кровать – сама выберет, что ей надо, а остальное разберет и развесит по шкафам, их и в этой комнате достаточно. Пошел за следующей партией.

Пришлось сходить несколько раз. Не помню, сколько. Ходки слились в одну непрерывную повинность. Подъем по темной лестнице, сгрести охапку одежды, и обратно, путаясь ногами в длинных платьях. Плюхнуться на кровать, и снова на лестницу...

На что я надеялся, когда ехал сюда? На что? А главное, на что я надеюсь *теперь*?

Зачем таскаю одежду? Не проще ли сходить за револьвером, и разом покончить с этой комедией? Со всем этим цирком, где кролики учатся стучать на барабанах...

Проще. Но что потом? Эту суку я могу убить, но что потом? Если я не могу справиться с ней – после нескольких ее атак, не могу даже после той ночи, когда она, ошалелая, выдала мне все свои финты в препарированном виде... Если я даже после всего этого с ней не могу совладать – то что я буду делать с другими суками, не уступающими ей? А с теми, кто сильнее ее?..

Всю жизнь ловить мелочь вроде тех, что были вокруг нашего Смоленска?..

Я сообразил, что уже минуту, наверно, стою, тупо уставившись в стенку пустого шкафа. Все переносил.

Я взялся за дверцу, чтобы закрыть... и увидел свое отражение.

Маленький забитый звереныш. Отчаявшийся. *Напуганный*.

Трус.

Я врезал кулаком по стеклу, но оно было старинной работы, слишком толстое, чтобы я мог разбить его вот так. Я зашипел от боли и от души захлопнул дверцу. Сил не было смотреть на этого затравленного звереныша по ту сторону стекла... Трус.

Трус и паникер.

Я втянул полную грудь воздуха. На каблуках развернулся и решительно двинулся на лестницу. Спустился. Ускоряя шаги, прошел через холл и распахнул дверь столовой.

– Вы все же решили присоединиться ко мне? – улыбнулась Диана.

Она потянулась к бутылке, чтобы наполнить свой почти опустевший бокал, но я опередил ее. Отобрал бутылку.

– Прошу прощения?..

– Хватит вам... пока.

Длинная пробка не хотела влезать обратно, кое-как я вбил ее краешком и отнес бутылку в кухню. На край стола. Диана могла видеть ее, но не могла дотянуться. Цепь не позволяла.

– Почему вы не дадите бедной женщине напиться и забыть обо всем?

– Ничего, трудно только первые лет двадцать, потом привыкнете.

Диана улыбнулась одними губами.

– Но может быть, пока я не привыкла, вы позволите бедной женщине еще один бокал...

– Нет.

– Но почему?

– У вас еще камин не чищен, и зайцы стучать в барабаны не обучены... Я отнес к вам платья, как вы просили. Через час вы должны быть здесь.

Я прикрыл дверь в столовую и вернулся на второй этаж. На первом этаже тоже была ванная, современной компоновки, с застекленной кабинкой душа и даже со второй комнаткой под сауну. Вся в зеркалах и залитая светом. Но мне сейчас нужно иное...

На втором этаже, рядом с комнатой Дианы, была еще одна – совсем непохожая на первую. Ни зеркал, ни раковины, ни полочек с шампунями. Ничего. Большая пустая комната, а посередине – огромная чугунная ванна, с ножками в виде львиных лап.

Свет я включать не стал. Мне хватало лунного, льющегося через два огромных окна. Больше и не нужно, будет только мешать... Кран в виде львиной морды. Я потянул ручку под мордой, из львиной пасти бесшумно хлынула вода. Сначала едва теплая, сказывался путь по холодным трубам от бойлера на первом этаже, он стоит возле той ванны. Затем теплее, теплее, почти горячая. Я переключил кран с кипятка на теплую, сбросил одежду и залез в ванну.

Вода быстро прибывала, такая теплая после осеннего холода... Пар поднимался вверх, белесый в лунном свете.

Я лежал в воде, вытянувшись во весь рост. Закрыв глаза, пытаюсь ни о чем не думать.

Прогнать страх, и ни о чем не думать...

Навыки, как и мышцы, появляются не сразу после тренировки. Надо дать впечатлениям повариться в подсознании. Дать самим выстроиться связям, которые сознательно не нашел – или пока кажется, что не нашел. Дать новому знанию спокойно осесть в нейронах, закрепиться...

Надо просто ни о чем не думать, не отвлекать подсознательную канцелярию на лишнюю работу и парады перед требовательным начальством. И тогда она может творить чудеса.

Я дал телу расслабиться, дал успокоиться мыслям – почти забыл про течение времени.

Четверть часа? Больше? Когда я почувствовал, что вода начинает холодеть, я словно проснулся после крепкого сна. В голове посвежело. И теперь мне не надо было заставлять себя соображать, что же за финты использовала Диана, и как им противостоять – мысли сами вливали в голову. Словно поднимались откуда-то со дна...

Узор ее финтов проступал сам собой. Я вдруг вспоминал их – и прозревал их смысл: что в них было обманками, а где настоящие удары, и почему я не сразу отличал одно от другого...

Когда вода совсем остыла, я выбрался из ванны и завернулся в огромное полотенце, больше похожее на махровую простыню.

Холодный воздух лез под нее, заставляя кожу покрываться мурашками – но зато те мурашки, что были внутри, пропали совершенно. И мне было хорошо.

Зайца в барабан, говоришь? Двадцать лет?.. Ну-ну!

Я стал растираться полотенцем – до сухости, до красноты, до жара на коже. Потом бросил полотенце на край ванны, натянул одежду и спустился вниз.

Сунулся было к ее комнате, но в коридоре не было цепи. Она уже ждала меня в столовой.

Мне казалось, что и банный халат сидел на ней, как платье, но теперь, поменяв его на платье темно-малинового бархата, открывшее плечи и грудь – молочная кожа, светящаяся изнутри... Рукава ниже локтя спадали широкими складками черных кружев, и запястья казались еще белее и тоньше... Не знаю, был ли в платье вшит незаметный тонкий корсет – но я просто не мог поверить, что у нее в самом деле такая тонкая талия. Это была не живая женщина, это была фарфоровая куколка.

Диана улыбнулась.

Я сообразил, что стою как истукан. Прошел к противоположному концу стола и присел.

– Вы только забыли про туфли... мой господин.

– Потом, – сказал я. Кашлянул. Голос оказался севшим.

Диана нахмурилась.

– Так зачем же я вам нужна?

– Мне нужны не вы, Диана. Мне нужны ваши поцелуи... – я коснулся пальцем лба.

– Как, опять? Но вы же... Мне казалось, что мы...

Я закрыл глаза и приготовился.

– Ох уж эти зайцы-барабанщики, – тихо проговорила Диана. – Все бы им целоваться...

А потом холодный ветерок налетел на меня, и тут же обернулся ледяными цепкими касаниями.

Но на этот раз все было иначе. Не так, как раньше.

Это было как с музыкой – красивой, но сложной музыкой. Настоящее удовольствие от которой получаешь не сразу. Слышишь первый раз, потом второй – и пока лишь понимаешь, что в ней что-то есть, что она будет тебе нравиться, очень нравиться... но еще не понимаешь, чем именно. Еще не разбираешь все ее прелести, еще не чувствуешь по-настоящему. До высшего удовольствия еще далеко. И не надо его торопить, оно придет в свое время. Лучше просто еще пару раз прослушать, особенно не вникая, – и проститься с переливом тем, с тончайшим плетением мелодий... Чтобы через день встретить их – уже как старых друзей, которые готовы открыть тебе все глубины своей души.

Это было как с музыкой, и теперь я начал ее чувствовать. Я словно заново увидел все ее финты – что и для чего там было. Где ложное движение, а где настоящий удар. Мог различить каждый пас ее ледяных щупальцев... и предугадать каждое ее касание – раньше, чем она его совершала. Предчувствовал, как следующий ход в любимой мелодии.

Иногда я сбивался, иногда не успевал, иногда ошибался, – но это было как небо и земля по сравнению с тем, что было всего пару часов назад.

Последние минут пять я отбивался с открытыми глазами. Оказалось, что это меня не так уж сильно отвлекает.

Диана тоже глядела на меня. Но вовсе не как на котенка, гонящегося за веревочкой.

Я чувствовал отголоски ее собственных чувств. Она была раздражена. Пару раз она переставала полагаться на ловкость своих ударов – и порывалась задавить меня силой удара, не обходя защиту, а продавив ее, – но тут же одергивала себя. Еще раньше, чем я улыбался – отмечая ее срывы.

Когда в третий раз подряд я отбил ее особо изощренный финт, ледяные щупальца убралась прочь.

– Никогда бы не подумала, что могу так опьянеть с одного бокала вина...

Только она прекрасно знала, что это не вино.

– Так значит, лет за двадцать поправимо? – сказал я.

Диана не поддержала мою улыбку.

– Теперь я могу выпить еще бокал? – мрачно спросила она.

– Теперь можете.

Я принес ей бутылку, и даже сам налил в бокал. Пожелал спокойной ночи и вышел.

Когда я прикрывал дверь, она все еще не прикоснулась к бокалу. Так и сидела, мрачно созерцая рубиновые глубины.

Я поднялся на второй этаж, спокойный и довольный. Уже на лестнице чувствуя, как наваливается сонливость. Теперь можно. Я сделал, что должен был сделать, и теперь можно расслабиться. Можно спокойно уснуть.

В спальне все еще висел запах ее платьев. Чем-то там в шкафу было проложено, какой-то травкой или химикатом, чтобы моль их не ела... Я поморщился, сбрасывая одежду. Нет, спать в этом запахе я совершенно не собираюсь.

Я приоткрыл фрамугу высокого окна, в комнату потянуло свежестью – и холодом. Я быстро забрался в кровать и завернулся в шелковую простыню. И сразу же провалился в сон.

III. ТУМАН

Из сна меня выдернуло.

Я вздрогнул и приподнялся на кровати. В голове мешались обрывки сновидений – и необоримое ощущение, что был какой-то резкий звук.

Минуту я прислушивался, пытаюсь понять, что это было. Может быть, повторится...

Обрывки сна становились все призрачнее и запутаннее, распадались и пропадали. Под простыню заползал морозный воздух, холодя плечи и грудь. Не стоило оставлять фрамугу открытой. Но все было тихо.

Дрожа от холода, я выбрался из кровати и закрыл фрамугу. Стянул с кресла плед и закутался. Постоял, прислушиваясь.

В доме было тихо-тихо.

И все-таки меня не оставляло ощущение, что разбудил меня какой-то звук. Правда, дверь закрыта, и входит она плотно. Да и Диана далеко на первом этаже. Что за звук мог быть? Разве что...

Выстукивая зубами от холода, я все-таки еще раз приоткрыл фрамугу и прислушался. Но снаружи было тихо. Даже ветер не шуршал в голых ветвях дубов. И ни черта не видно. Ни луны, ни звезд. Похоже, опять напоззли тучи, плотно укутав небо.

Я закрыл окно и выглянул в коридор. Пол холодил ступни, но воздух здесь был куда теплее, чем в выстуженной комнате.

Тихо.

И в доме, и за окном. Но отчего-то же я проснулся?

Кутаясь в плед, я спустился на первый этаж. Дверь в комнату Дианы была чуть приоткрыта – на толщину цепи. Оттуда падала полоса света.

– Диана?..

Ответа не было, я приоткрыл дверь и заглянул.

Здесь было тепло, чертовски тепло. В камине весело танцевало пламя и потрескивали дрова. Сладко пахло сосновой смолой и еще чем-то... Духи?

– Диана?

Она лежала на кровати, не расстелив. В платье, но не в том, в котором была вчера вечером. Успела переодеться – наверно, пока платья разбирала и развешивала в шкаф. Тут все женщины одинаковы.

Лежала на шерстяном покрывале, свесившись ногами на пол и изогнувшись так, что я бы ни за что не смог уснуть. Присела передохнуть, да и сморило?

Бретелька платья сползла на руку, почти открыв грудь. Тонкий карминовый шелк облегал тело, переливаясь в отсветах от камина.

Я постоял в дверях, глядя на нее и чувствуя, как теплый воздух струится по коже. Как же здесь тепло и хорошо...

Хорошо бы развести такой огонь и у себя в комнате. Но это надо туда дрова таскать, потом с растопкой возиться... Как раз под утро, когда уже вставать пора, он и разгорится.

Хотелось спать, но и уходить отсюда не хотелось. Вот подтащить бы то кресло совсем к камину, плюхнуться в него, и уснуть до утра. Даже в плед закутываться не надо, так здесь тепло...

Но спать рядом с чертовой сукой может выйти себе дороже.

Я прикрыл дверь и поплелся в дальний угол второго этажа, в темную и вымерзшую комнату.

+++

Проснулся я мутный и разбитый. Не выспался, но и уснуть больше не мог. Ночью я несколько раз просыпался. Все не мог удачно лечь: как ни ложился, через какое-то время просыпался – затекала рука.

Вот и сейчас... На этот раз так затекла, что когда я сел на кровати, рука повисла плетью, онемелая и непослушная.

В комнате было темно, за окном едва брезжил рассвет. Серый и мутный. Опять все в облаках.

Крутя онемевшим плечом, я поднялся. Потихоньку отходило плечо, отходил локоть. Я уже мог им двигать. Мог шевельнуть и запястьем. Но господи, как же холодно-то... За ночь, под одной простыней, я продрог. Не только рука, все тело стало медленным и одеревенелым. И в голове не лучше...

Свет. Мне нужно море света! И тепло. Жар!

Я закутался в простыню и, дрожа от холода, побрел на первый этаж. Там все это было. В той ванной комнате, которая на современный лад.

Небесно-голубые кафельный пол и персиковый махровый коврик, белоснежные ванна с раковиной, с подвесного потолка бьет дюжина ярких светильников, зеркальные стены превращают дюжину в сотню.

Но это – тепло для глаз. Нужен горячий душ, чтобы согреться и прийти в себя. Я раздвинул пластиковые створки кабинки, сунулся внутрь...

И встал обратно на коврик. Поглядел на правую руку. Вроде бы, отошла, еще когда по коридору шел – а все ж было какое-то странное, непривычное ощущение.

Плечо – нормально, локоть – нормально. Кисть...

Даже не кисть, пальцы. Какое-то странное ощущение слабости. Не во всех. В большом. Самая нижняя фаланга, и ладонь вокруг, и запястье с этой стороны.

Я покрутил пальцем. Он слушался, но вращался как-то медленно, неохотно. Что-то с ним было не так. Только вот что...

Я попробовал так же покрутить левым пальцем. Он вращался свободно и быстрее. Как надо.

Подняв перед собой обе руки, я шевелил пальцами, пытаюсь понять, в чем же дело. Наконец, понял.

Вот что надо было сделать: руки вытянуть перед собой, ладони вниз, параллельно земле, а пальцы растопырить. Не просто развести, а растопырить до напряжения. Так, чтобы под кожей проступили жилки.

А теперь – потянуть кончики больших пальцев вверх.

Левый задрался на вершок. Под кожей, от пальца к запястью, еще четче проступила одна из жилок, натянулось в тугий тросик. Под ней была еще одна крупная жилка, а под той еще одна, потоньше – теперь эти две жилки чуть смягчились, ушли внутрь, уступив тяге верхней.

Это на левой руке. А вот на правой...

Большой палец как лежал в плоскости ладони, так и лежал. Две нижние жилки как были натянуты, так никуда не уходили. Их не перетягивала верхняя жилка – она вообще не проступала под кожей.

Наверно, с минуту я пытался напрячь ее. Задрать кончик большого пальца вверх.

Но ничего не менялось. Я мог отвести большой палец назад, вниз, обратно к ладони, под нее, но вверх над ладонью – никак не получалось. Мышца просто не напрягалась. Вот откуда было странное ощущение пустоты в руке.

Я стоял, голый, залитый ярким светом, и тупо пялился на свои руки. Надо же, как отлежал... Никак не шевельнется... Никогда так не отлеживал.

Чтобы даже через несколько минут, когда и проснулся, и встал, и рукой уже крутил, и все остальные пальцы отошли – а какая-то мышца все еще не отошла. Совершенно не шевелится...

Причем не вся кисть, не все пальцы в равной мере – а всего один мускул одного пальца. И именно на том пальце, до которого...

Я помотал головой, отгоняя воспоминание. Нет! Но под ложечкой стало пусто.

Я стиснул руку в кулак, разжал, и, не переставая стискивать и разжимать, чтобы кровь веселее шла по жилам, залез в душ.

Просто отлежал. И замерз. Из-за этого. Только из-за этого!

Я выкрутил ручку крана влево и пустил воду. Сначала холодноватая, быстро потеплела. Стала обжигающей. Я стоял и терпел. Мне надо согреться. Чтобы кровь побежала по жилам, чтобы мышца ожила. Потому что если эта жилка не зашевелится, то это значит, что...

Нет! Нет! Просто отлежал! И замерз. Отлежал и замерз, в этом все дело. Только в этом!

Я крутился под обжигающими струями и, не переставая, сжимал и разжимал кулак. Тело прогревалось, но под ложечкой засел холодок. Потому что если эта жилка...

Но она отходила. Странная слабость и пустота в руке уходили. Мало-помалу палец двигался живее, а верхняя жилка стала натягиваться. Я крутил большим пальцем, пока он не стал подниматься вверх над ладонью на вершок, как и левый.

В самом деле, всего лишь отлежал. Просто отлежал.

Я криво усмехнулся. Ну да. Конечно. Просто отлежал. Что еще это могло быть? Все так, как и должно было быть. Согрелся, размял руку – и все прошло. Потому что просто отлежал... А как испугался-то. Как сердечко-то стучало, как поджилки тряслись. Какой же трус. Маленький жалкий трус.

Трус. Но теперь под ложечкой отпустило. Я успокоился. И вдруг понял, что уже давно согрелся. Мне уже давно жарко, а в герметичной колбе не воздух, а душный пар.

Я приоткрыл одну створку, глотнул свежего воздуха, и вывернул кран вправо – и до предела вверх. Сверху ударили тугие ледяные струи.

Дыхание перехватило. Открыв рот, я судорожно глотал посвежевший воздух, стоял так минуту, две, пока не задрожал от холода. Потом перебросил рукоять резко влево, и вода неохотно стала теплеть, пока не стала обжигающе горячей, но я терпел, терпел, пока кабинка не наполнилась паром. И лишь когда стало трудно дышать, опять переключил на холодную.

Так я играл минут десять, пока после нескольких накатов жара и холода кожу не стало приятно покалывать – словно звенела.

Тогда я выключил воду и выбрался на махровый коврик. И стал растираться полотенцем. До сухости, до жжения.

Ну вот. Теперь я чувствовал себя человеком. В голове посвежело. Тело наполнилось желанием двигаться.

Это хорошо. Дел сегодня предстоит много.

+++

Когда я зашел в ее комнату, она так и спала – в платье, клубочком свернувшись на кровати. Просыпаться она не хотела, но встать ей пришлось. Мне нужна была тренировка.

Во-первых, уроки надо закреплять. Без этого они забываются. А во-вторых... Чертовы суки, не сидящие на цепи, не будут со мной сюсюкаться. Они будут бить в полную силу. Пора от осмущек перейти хотя бы к четверти.

– Сегодня попробуйте сильнее, Диана, – разрешил я.

– Хорошо... – пробормотала Диана.

И она честно атаковала – пыталась. Ее ледяные щупальца были такие слабые и вялые, словно она всю ночь жернова таскала. Исключительно силой мысли.

Не знаю, как ей, а мне это надоело через пару минут.

– Это что?

Диана вздохнула и потерла бровь.

– Боюсь, на большее я сейчас не способна...

Только почему-то мне казалось, что она этим вовсе не расстроена.

– Диана, вы меня пугаете. Успокойте меня, скажите, что у вашего слуги была заныкана пара бутылок вина в его комнате.

– Нет... А жаль. Может быть, тогда бы я лучше спала...

Хм... Я внимательно разглядывал ее. И правда. Глаза у нее красные, словно всю ночь не спала. Но...

– Разве вы не могли уснуть?

Диана взглянула на меня и нахмурилась. Не спешила отвечать. Какой-то миг мне казалось, что она думает не только и не столько о разговоре со мной, а одновременно занята еще каким-то делом.

– Диана?

– Н-нет... – наконец сказал она. – Спала я крепко... Сны были тяжелые.

– После пары бокалов вина?.. Хорошенького же качества было это ваше дорогое вино...

– Я не знаю, насколько то вино было *дорогое*, – раздраженно ответила Диана. – Я уже очень давно не интересуюсь подобными вещами. Но вино было *хорошее*.

– Тогда что с вами?

Она потерла виски. Глаза у нее слипались. Мне показалось, что она сейчас просто рухнет на стол, да так и заснет с головой на руках.

– Влад, не мучьте бедную женщину. Я очень, просто *ужасно* хочу спать.

– Я вижу. Но почему? Ведь вы спали всю ночь.

– Возможно, это из-за занятий с вами. Думаете, я часто вот так вот, неотрывно, занимаюсь с кем-нибудь?..

Я внимательно разглядывал ее. Если вчера вечером она и казалась несколько обеспокоенной и раздраженной, то уж никак не усталой. И уж точно не до такой степени.

– Будьте добры, отпустите меня... Обещаю, вечером мы все наверстаем.

– Постарайтесь выспаться, пока меня не будет.

Она ушла, гремя цепью.

А я сидел и пытался понять, что же во всем этом мне не нравится больше всего.

То, что я пропустил занятие? Жаль, но поправимо. Наверстаю. В этом, пожалуй, нет ничего страшного. Но было еще что-то...

Почему-то я чувствовал себя не в своей тарелке. Что-то было не так.

Но что...

Может быть, дело в Диане?

И даже не в ее странной сонливости. Не только в этом дело. Что-то в ней изменилось...

Но вот что именно? Будто ушло какое-то напряжение, что сидело в ней. *Страх* – вот что ушло из нее.

Или – кажется?

Может быть, я себя накручиваю? И совершенно зря. У меня реальных проблем полно, чтобы еще за призраками гоняться.

Но что – если не кажется? Может быть, она *в самом деле* что-то сделала? Что-то, что избавило ее от страха...

Я взял фонарь и спустился в подвал.

Фонарь мог бы и не брать. Здесь пахло жженым жиром, ярко светили свечи, наклепленные на камни алтаря. Диана следила за тем, чтобы горела каждая шестая, меняла прогоревшие.

За колонной, на которой висела морда, стояли два огромных ящика этих странных черных свечей. Еще надолго хватит.

Козлиная морда глядела на меня как на старого приятеля. В рубиновых глазах играл свет свечей – и почти добродушная ухмылка: пришел поиграть, мальчик? Ну, давай поиграем...

Надо бы вырвать эти глазки, и запретить Диане жечь свечи под алтарем. Но сейчас не до них.

Я присел у трубы, вмурованной в пол. Повел фонарем по бетону вокруг. Не долбила она его? Не скребла, пытаюсь подкопать трубу? Я-то знаю, что ее не вырвать, там внизу в ней тоже есть дырки, в них пропущены железные пруты, уходят под соседние плиты. Если вырывать трубу, то только вместе с прутьями, свежей кирпичной кладкой и плитами вокруг, центнеров пять сразу. Но сверху-то этого не видно.

Следов не было. Даже намек.

И все-таки я подергал трубу – не шатается? Подергал двумя руками. Труба сидела как влитая. Я снова взял фонарь, внимательно осмотрел соединение трубы с цепью.

Пошел дальше по цепи, внимательно осматривая каждое звено. Цепь равнодушно позвякивала.

Я уже проверял цепь – в первую ночь, перед тем, как прицепить ее к трубе. С тех пор ничего не изменилось. Ни одного подозрительного звена. Ни одного надпила, даже царапинок нет.

Шагая вдоль цепи, я поднялся по лестнице. Вслед за цепью дошел до комнаты Дианы. Она лежала на кровати, свернувшись клубочком. Дыхание медленное и такое тихое, словно вообще не дышит.

Но когда я повернул ее на бок, тут же проснулась. Со смущенной улыбкой уставилась на меня.

– Мой господин?..

Не обращая на нее внимания, я внимательно осмотрел соединение цепи с ошейником. Потом осмотрел сам ошейник – обе скобы, оба скрепления.

От ее волос сладко пахло какими-то духами. Ее кожа пахла тоньше, но еще слаще – это была не косметика...

Диана, лениво моргая, наблюдала за мной. Улыбка осталась, но уже не смущенная.

– О! Прошу простить меня, мой господин... Чем я вызвала ваше неудовольствие? Отчего мой господин подозревает меня?.. Разве я не готова на все – для моего господина?..

Она потерлась щекой о мою руку.

Я отвел руку. Вышел из комнаты и прикрыл дверь, насколько позволила цепь.

С цепью все в порядке. А вот с Дианой...

Ч-черт. Не понимаю. Не понимаю, и даже не понимаю, чего именно не понимаю... Ч-черт!

А может быть, сам себя накручиваю.

А может быть, она специально валяет дурака – чтобы сбить меня с толку... Но зачем ей это нужно? Для чего?..

Черт бы ее побрал! Я накинул плащ и вышел из дома, под обложные тучи и накрапывающий дождик. Постоял на ступенях, хохлясь от дождя и глядя на «козленка». Надо было выйти через черный ход, вот что. Там до гаража два шага. Ехать в город мне лучше не на моем верном «козленке».

Но заходить обратно в дом не хотелось. В этот сумрак, эхо огромных пустых комнат, в неподвижный воздух, пахнувший ее духами – и пронизанный ее присутствием... Даже когда она не касалась меня, все равно. Рядом с ней я будто весь в клочьях старой паутины, от которой никак не избавиться... Нет уж, лучше обойти под дождем, чем возвращаться в дом.

Шансы, правда, все равно близки к нулю...

Я тряхнул головой. Нет! Не нулю! Надо верить. Если не верить – то лучше сразу застрелиться.

Что я могу – один? Я даже своим ощущениям верить не могу, один. Один на один с ней – я точно тронусь. И очень скоро.

Даже с ней мне нужны помощники... И уж точно, помощники потребуются против *других* чертовых сук. Которые не на цепи, а со слугами...

Может быть, кто-то из наших все же спасся?

Что было в ту ночь у дома Старика, я видел. У Гоша тоже... Но Борис? Виктор? Вдруг успели уйти?

К ним пурпурные тоже должны были нагрянуть. И уйти от тех пурпурных, если уж Гош не смог... Но вдруг?!

Я спустился и пошел вокруг дома.

+++

На въезде в Вязьму я притормозил, а на перекрестке свернул к центральным магазинам. Сегодня одна машина меня не спасет. Надо бы и переодеться. Это у дома Старика пустырь во все стороны, а у Виктора и Бориса...

Возле нового торгового комплекса я остановился. Внутри, как я и надеялся, оказалось множество разных магазинчиков, от крупных до совсем мелких. Отлично. Есть, из чего выбрать.

Но чем дольше я бродил по залам, тем сложнее было решить – а что же мне надо-то? Мне ведь нужно не просто сменить плащ и кожаные штаны на что-то другое. Если одеться по-другому, но в моем вкусе, это мало поможет. Те ребята должны были прошерстить мою квартиру. Просмотрели все мои вещи. Знают, как одеваюсь.

Нужно что-то такое, во что я бы никогда не оделся.

Я гулял по магазину, глазел на шелковые рубашки, приталенные пиджачки и плащики, ботинки с плоскими квадратными мысками... На все то, что притягивало мой взгляд. Вот оно что!

Я огляделся, нашел самый большой – и дешевый – отдел одежды. Вот куда мне надо сейчас.

Для начала я выбрал голубые джинсы, на пару размеров больше. Так, чтобы едва держались на самых бедрах, а штанины у ног топорщились складками. Затем белую футболку, которая была велика еще больше. Байковую рубаху в красно-сине-зеленую клетку. «Пилотскую» курточку до пояса из кожзама. Теперь все это надеть, рубаху застегнуть, но не заправлять. Чтобы из-под куртки торчала рубаха, а из-под нее белоснежный край футболки.

В соседнем отделе я купил огромные белые кроссовки, пухлые и на такой толстой подошве, что даже штанины спадающих джинсов не волочились по полу. Финальный штрих – черная вязаная шапочка. Я заправил под нее свои рыжие лохмы и пошел смотреть на результат.

Из зеркала на меня пялился опасный звереныш, лет пятнадцати-шестнадцати от силы, одетый по моде американских тюрем для малолеток. От одного взгляда тошнит.

Замечательно. Результат достигнут, и даже более чем: скинуть пару годиков, при моем-то перебитом носе, я даже не надеялся, а вот поди ж ты.

Малолетний уличный шакал... Единственное, что мне нравилось в этом звереныше – это его взгляд. Разноцветный, но правильный. Таким взглядом можно стенки буравить.

Переодеться обратно я не стал. Нормальную одежду распихал по пакетам и двинулся к выходу, потихоньку меняя походку. Когда я миновал раздвижные двери, я уже шел вразвалочку, подседая на каждом шаге.

Со ступеней я свернул к стоянке, и охранник тут же выбрался из будочки и выразительно уставился на меня, предупреждая. Я лишь хмыкнул и направился к своему черному «мерину».

Краем глаза я видел, как охранник засеменил следом. Остановиться его заставило только то, что я открыл машину без долгой возни. Хмурый и удивленный он провожал меня взглядом, пока я отъезжал от магазина. Не узнал. Отлично.

+++

В Смоленске я поставил машину там же, где и вчера. Но вылез не сразу. Посидел, решая, с кого начать.

Решаясь.

За домом Старика они следят. Значит, и за остальными квартирами тоже. Ждут.

И на этот раз не будет огромного пустыря, где ни одного фонаря. И Борис, и Виктор живут в обычных многоквартирных домах... *жили*.

Или все-таки... Кого ждут те пурпурные у дома Старика? Только меня? Или *еще* кого-то? Надеюсь. Надеюсь!

Одному мне не выследить, откуда они приезжают. Нужен помощник. Хотя бы один помощник. Не уверен, что и вдвоем можно отследить этих пурпурных – но одному-то уж точно никак...

А через неделю-другую они снимут слежку, уберутся из города – и все. Я их уже не найду. Ни их, ни ту чертову суку, что сделала это. Я вылез из машины и от души хлопнул дверцей.

Уже темнело, включились фонари, и снова зарядил мелкий дождик. Я постоял, соображая, в какую же сторону будет короче. И зашлепал по лужам, дробя отражения фонарей.

+++

В квартире Бориса свет не горел.

Иного я и не ждал. Интересовало меня другое. Я обошел прилегающие дворы, потихоньку разглядывая машины, что стояли вокруг его дома. Отыскивая – и боясь найти его машину.

Если она здесь, можно ставить крест. Не успел убежать.

А вот если ее нет...

Сердце молотилось, но я заставлял себя шагать ленивой развалочкой, подсаживаясь в коленях при каждом шаге. Чуть сутулясь. Опасная малолетка – так опасная малолетка. Играем роль. Здесь не пустырь, здесь много скрытых мест. Пурпурные могут сидеть не в квартире Бориса, а в соседнем доме. Тогда просматривают и двери подъезда, и все подходы к дому.

Кажется, нет его машины...

Но надо еще раз проверить. Ошибки быть не должно.

Я прошелся до ближайшего магазина, вернулся обратно и сделал еще один круг по прилегающим дворам, исподволь разглядывая машины.

Точно – нет ее тут. Нет!

Сердце билось все быстрее, мелко задрожали кончики пальцев. Нет машины! А это значит...

Я с трудом удерживался, чтобы не заплакать от радости. Как-то спасся Борис!

Как? Может быть, Гош успел ему отзвонить. Когда понял, что сам уйти не успеет, постарался хоть других предупредить.

Спасся! Теперь надо сообразить, как его найти...

И тут я как споткнулся. Ч-черт... У него же еще гараж есть... Он мне даже показывал, где у него запасной ключ лежит. Мне и Гошу...

Машина может быть и там.

Я огляделся, где те гаражи. Вон они, в просвете между домами, коробки из рифленого железа.

Хотя не думаю, что он мог поставить машину в гараж. Чтобы плестись оттуда к дому, еще триста метров пешком – после прогулочки на тысячу верст, что была у них с Гошем? Не верю.

Сам-то я ставил машину в гараж после поездок с Гошем – но только из-за Виктора. Он за мной приглядывал, по поручению Старика. Но это за мной. За Борисом никто не присматривал. Мог оставить машину там, где удобнее. Я бы на его месте бросил машину прямо у дома.

Если Гош успел предупредить его, то, может быть, он и Виктору успел позвонить?!

Пальцы дрожали, когда под грудой хлама у стены гаража я нашупывал запасной ключ. Со второго раза попал в замочную скважину, потом нетерпеливо рвал неподатливую дужку замка из скоб. Распахнул створку.

Машина была здесь.

+++

К гаражам, где держал машины Виктор – их у него две, – я шел как не свой. Будто не я брел под дождем, а кто-то другой, а я лишь глядел на все вокруг его глазами. Из-за его глаз...

Одна машина Виктора была в гараже.

Вторая стояла возле дома. Мне даже не пришлось кружить, Виктор всегда ставит... *ставил* машину в одном и том же месте. Слева от подъезда, метрах в десяти.

Его машина. Никаких сомнений, она. И все-таки я прошелся мимо дома, чтобы разглядеть ее номер.

Номер, конечно же, совпал.

+++

Дождь усилился, я хохлился уже не ради роли, а по-настоящему. За воротником было сыро, на душе мерзко.

Дорога к моему гаражу казалась вечной.

Ничего, ничего... Ничего!

И один выслежу. Все получится. Должно получиться!

Перед рядом гаражей я остановился и огляделся. Никого. Замечательно.

Я разобрался с замками, приоткрыл дверцу, юркнул внутрь и закрылся. Нашупал выключатель. Щелчок, и гараж залило светом.

Пусто, но на этот раз я не расстроился. Где моя машина, я и без того знаю. Здесь мне нужно другое.

Я сдвинул вбок деревянный стеллаж с барахлом. Открылась выемка в полу. Я достал оттуда увесистый кулек из промасленной ветоши, развернул. Восемь пачек патронов для Курносового, одна пачка початая, и еще сверток в масляной тряпочке – тонкие жестяные пластинки обойм. Похожи на кусочки стального кружева: пять круглых вырезов по краям, дырка в центре. Стальные снежинки. Full moon clips, как обзывает их наш дорогой пижон. Виктор говорит, у американцев бывают и half moon clips – половинкой снежинки, всего на три пули для промежуточной перезарядки. И даже смешные third moon – всего для двух пуль, по виду похоже на восьмерку, надкусанную с концов...

Говорил.

Все это я запихнул в сумку. Туда же пенал с пилочками.

Для паучихи подпиливать пули особо не нужно, умирает она легко, как самый обычный человек – но только если это простая паучиха. Одинокая. А у этой чертовой суки – прирученными ходят не только взвод-другой мужиков, но и пара жаб. *Как минимум* пара. Те молодень-

кие жабки, которых я видел у морга в компании той опытной. Но кто знает, сколько их у нее всего?

Надеюсь, я все-таки достану ее...

Я застегнул сумку.

Ну вот и все. Я вздохнул. Оглядел гараж – такой знакомый и родной. Может быть, в последний раз.

Ну, все. Я повесил сумку на плечо, шагнул к выходу...

И замер.

Сердце судорожно забилося в груди, трепыхаясь у самого горла. Сумка соскользнула с плеча и тяжело бухнулась на бетонный пол.

На коврике у входной дверцы лежала записка.

И только один человек оставлял записки вот так – в гараже, подсовывая в щель под воротами.

Руки тряслись, пока я разворачивал листок бумаги, сложенный вчетверо. Строчки прыгали перед глазами – аккуратно выведенные таким знакомым почерком! Гош!

Выжил, вернулся и оставил мне записку! Все-таки не зря я...

Я разглядел дату.

Сердце все еще прыгало в груди, не желая успокаиваться, – но вместо радости теперь была тяжесть в висках и плыло перед глазами.

Дата. И время. Гош всегда проставлял дату и время.

Он написал эту записку в тот проклятый день, когда я вернулся в город после ночной охоты на жабу – охоты, затянувшейся на сутки. Сутки, вместившие ночь боли, белое утро – и то, что я обнаружил в городе. Он подсунил записку в гараж за два часа до того, как я подъехал к его дому, – темному и затихшему...

...глаза – как у спящих рыб, движения ленивые, заторможенные, словно сквозь воду... тетьа Вера, не похожая на себя, не похожие на себя Сонька и Сашка... через дорогу прямо под машину, не замечая ничего вокруг...

Я оторвал глаза от даты.

«Борису кажется, его заметили. Никуда не суйся. Отзвонись». Ниже размашисто приписано: «Сразу!» и трижды подчеркнуто.

Обычно Гош не разменивался на восклицательные знаки, да и подчеркиваний в его записках я не видел...

Гош и Борис...

Если уж они *вдвоем* не смогли... *Вдвоем с Гошем* не смогли отследить тех ребят – а засветились и привели их уже по своему следу прямо в город...

Я вдруг почувствовал, насколько устал. Записка тяготила руку, как кирпич. Руки опустились.

На что я надеюсь?

На что?

За воротами гаража зашуршали шины, подъехала и встала слева от ворот машина. Почти тут же прошуршали шины и справа.

Я перевел взгляд с ворот на записку.

Никуда не суйся.

Снаружи почти одновременно шелкнули две дверцы.

Никуда не суйся...

Поздно.

Дурак. Идиоту же было ясно, что соваться сюда нельзя. Эти ребята выследили *Гоша*, куда уж тебе было с ними тягаться...

Словно во сне я сунул руку в карман за Курносим... попытался сунуть. Вместо кармана плаща, рука наткнулась на кожзаменитель, а потом на непривычную подкладку в кармане «пилотской» курточки. Плащ остался в машине в двух верстах отсюда, Курносый там же, втиснутый сбоку под правое сиденье.

Дурак!

Я все-таки проверил, что дверца в воротах заперта на задвижку.

Хотя это едва ли надолго задержит их. Сами ворота тоже заперты длинным прутком, но и это едва ли поможет.

Я пятился вглубь гаража, слишком поздно вспомнив, что не погасил свет. Есть ли щели в дверях? Видно ли снаружи, что здесь свет?

Да при чем здесь свет... Если они приехали сюда именно *сейчас*...

Револьвер не помог бы мне справиться с ними – но спас бы меня. Хорошо, если убьют сразу – а если повезут к паучихе?..

Как во сне я пятился назад, сжимая в руках записку Гоша, ожидая – и страшась услышать стук в ворота. Издевательское негромкое постукивание костяшками пальцев. Дынь-дынь-дынь. Вот и мы. Ты в самом деле думал, что можешь что-то сделать?

А потом зазвенело где-то далеко справа.

Я не сразу понял, что это за звук. Лишь когда лязгнул замок совсем близко, и ворота гаража слева тоже стали открываться, я понял.

Кровь ударила мне в лицо, уши стали горячими.

Трус! Чертов трус!!!

Это просто приехали припозднившиеся соседи по гаражу. Так получилось, что сразу две машины. Слева – и где-то правее в противоположном ряду. А ты...

Трус. Господи, какой же трус.

Я стоял с горящими ушами, сжав зубы, стиснув кулаки так, что ногти вонзались в кожу, – отвратительный, маленький трус. Ненавижу. Господи, как же я ненавижу эту маленькую трусливую мразь!

Я стоял так, пока в гаражах не отгремело. Сначала ворота открывали, потом машины заезжали внутрь, опять гремели ворота, удалялись шаги...

Мне казалось, я не перенесу, если сейчас выйду к ним – трус. Они не могут не увидеть, какой же я трус. Даже сквозь стены гаража они чувствуют это, и неловкожимают плечами и ухмыляются.

Когда шаги затихли, я осторожно сложил записку, запихнул ее в карман рубахи, где дождь не мог достать ее. Подцепил с пола сумку и выбрался из гаража.

Сумка тяжелила руку, но вешать на плечо я ее не стал. Мне сейчас это было нужно – увесистая тяжесть в руке, чтобы напряглись мышцы. Давая выход ярости и злости, что жарко наполняли мою кровь.

Валять дурака с походкой я перестал, быстрым шагом добрался до машины за четверть часа. Залез на заднее сиденье и переоделся в привычную одежду. Записку переложил в правый внутренний карман плаща – там и молния есть, и почти не пользуюсь я им. Там не потеряется.

Запихнул в пакет дурацкие джинсы, куртку и кроссовки, и не поленился вынести их из салона в багажник. Не хотелось мне даже глядеть на пакеты с этой одежкой. Словно пропитались она тем трусливым страхом в гараже.

Ничего, ничего... Ничего!

Пусть я один – но я еще жив. Они меня еще не поймали. А значит, что-то я еще могу сделать.

Один много не смогу? Что ж... Сделаю, что смогу. Но сделаю!

Я завел машину и стал выбираться на московскую трассу.

Сделаю. Надо только сообразить, как выследить, откуда приезжают эти пурпурные... где их логово, где гнездо их хозяйки.

+++

*Fly with their wings,
They make you feel so free,
But you may fall...*

Чертова сука! Будь она проклята, эта тварь... Даже музыка меня не успокаивала!
Из-за нее я даже не чувствовал музыки! Мой любимый Ферион – и все равно, это ничего не меняло. Солнечный и неспешный Ljusalheim – я знал, что он солнечный, когда, закольцевав песню, кружишься вместе с ней по переплетению тем, – скользил мимо меня, серый и далекий. Я никак не мог погрузиться в музыку. Не плыл вместе с мелодией – а стоял один на холодном берегу...

*In the realm of Alfheim
You never know
What you have seen.
A pale mirage?*

Я надеялся, что дорога, мягкий ход машины и однообразное мелькание фонарей успокоят меня, дадут проклюнуться из-под шелухи досады – какой-то стоящей мысли.

Куда там! Совершенно непонятно, как ее достать. Как выследить ее пурпурных слуг.

Любые мои предположения разбивались, как волны об утес, о две строчки. О бумажку, что лежала у меня на груди. Если уж Гош не смог... Сам Гош, да с Борисом на подхвате... Куда уж мне-то соваться?..

Решимости хоть отбавляй – а толку-то? Черт бы все это побрал! Сжав кулаки, я врезал по рулю, ни в чем не виноватому.

Решимости у меня сейчас, на дрожжах еще свежего стыда, под завязку, да. Но если перестать влиять перед самим собой, надо признать: мне их не отследить. И решимость довести дело до конца тут не поможет. Попасть как кур в ошип – большого ума не надо. Если я попытаюсь следить за ними, без всех тех навыков, что были у Гоша, то точно вляпаюсь.

Но если я не могу их отследить – что толку от возни с Дианой?

Да и Диана... С ней тоже ни черта не понятно. Что с ней было утром? Не бодрый паучок, а мокрая муха какая-то. Сонная. Но я же видел, что она спала.

Прикидывалась? Может быть... Но зачем? Цепь я проверил. Да и услышал бы я, если бы она что-то с ней делала.

Тогда – чем она могла заниматься?

Если, конечно, это она чем-то занималась, а не мое разыгравшееся со страху воображение. Ч-черт! – с еще одним тычком в руль! И тут ничего не понятно!

И все-таки что-то ведь ее вымотало... Не столько даже физически, сколько умственно... Но что?

В довершение всего, вдруг закололо в руке. В правой ладони, там, где нижняя фаланга большого пальца – этакая пятка ладони. Не стоило так уж от души шлепать по рулю. Ни в чем не виноват, но отомстить может.

Я снял с руля руку, покрутил кистью, погнул пальцы, погонял их волной туда-сюда, потряс – но все без толку. Где-то внутри большого пальца кололо, маленькие злые иголки

прыгали под кожей, и затихать не собирались. Особенно между большим и указательным пальцем. Именно там, где...

...ее рука, медленно падающая прямо на мою. И сразу отвести руку я не могу, мои пальцы сжимаю край спинки стула, пальцы надо разжать. Я успеваю, и все-таки на какой-то кратчайший миг ее пальцы, самыми кончиками – прохладно скользят вдоль моей руки...

Я тряхнул головой, прогоняя воспоминание.

Но я слишком хорошо помнил это. И утром...

Но утром – прошло же! Все прошло!

Или показалось, что прошло.

У ближайшей придорожной забегаловки я свернул. Заглушил мотор и внимательно осмотрел руку. Покрутил большим пальцем. Верхняя жилка, идущая от него к запястью, послушно напрягалась и опадала. Работала так, как и должна. Но в подушечке большого пальца колело все сильнее. Уже отдавало в запястье и дальше, к самому локтю.

+++

Я заказал кофе и сразу прошел в туалет. Включил горячую воду и сунул под струю руку. Я сжимал и разжимал кулак, разминал подушечку большого пальца. И ждал.

Прислушиваясь к тому, что происходит в руке. Уходит странный приступ? Утром это сработало...

Утром.

И сейчас. Не так, как утром, но почти в том же месте. Все вокруг одного пальца. Именно там, где эта чертова тварь...

Я стиснул зубы и дернул головой. К черту! Не хочу об этом думать!

Хотелось вообще вытрясти эту мысль из головы. Выкорчевать ее, чтобы следа не осталось!

Потому что если не врать самому себе, колело сильнее. И отдавало в руку все выше. И это может значить только то, что...

Отгоняя от себя мысль, лишавшую смысла все, что я делал – и собирался *уснуть* сделать! – я вернулся к столику и глотал горячий кофе, не чувствуя вкуса. Одну чашку, вторую. Стискивая левой рукой правую там, где пульсировала боль. Откуда расползались жалящие уколы – под подушечкой, в глубине ладони, где большой палец соединяется с остальными.

И постепенно...

Или кажется? Боясь, что это самовнушение, минуты две я не решался поверить своим чувствам, но иглы стали жалить легче. И реже.

Минут через пять боль затихла. Ушла совсем.

Я подвигал большим пальцем. Палец послушно ходил во все стороны, жилка напрягалась. И ни следа странного колючего приступа.

Может быть, это было просто последствие того, что было утром? Если я в самом деле отлежал руку так, что какой-то нерв почти отмер, а потом, после утренней разминки, ожил вновь, когда кровь пошла по сосудам... Может быть, эта колющая боль – как раз признак того, что контакт между нейронами восстановился полностью? Не просто способны проводить импульс, а срослись еще крепче? Стали как прежде? До того, как отлежал?

Я ждал, я боялся, что странная резь возобновится – но минута шла за минутой, а в руке было спокойно.

Кофейник почти остыл, и я заказал свежий. Оказалось, кофе здесь неплохой.

И вообще, мне жутко хочется есть! Странно, как раньше этого не чувствовал.

Я заказал цыпленка табака и по тарелочке всех салатов, что у них были: и овощной, и острый корейский, и из кальмара с красной икрой.

Я мог забыть, что толком не ел уже несколько дней, – но не мое тело. И сейчас желудок мигом мне это припомнил. Там нетерпеливо урчало, куски проваливались туда, как в бездонную бочку, я жевал, глотал, заглатывал кусок за куском – и никак не мог наестся.

А затем словно перевернули пластинку: накатила сытость. Приятное отупение в голове, тяжесть в животе. Все-таки переел. Все-таки волк – мой тотем. Обжираюсь я тоже как собака – пока не съем все, до чего могу дотянуться. Хотя вот два пончика, из трех взятых на десерт, остались.

Их я забрал с собой и, чувствуя себя обожравшимся косолапым мишкой, доплелся до машины и плюхнулся на мягкое сиденье. Отъехал – и тут же вспомнил о Диане. Ее ведь тоже кормить надо. Может быть, это она от неполноценного питания стала такой никакой?

Но возвращаться... Вылезать из машины совершенно не хотелось. Здесь было тепло, и пахло кожей и хвоей, сладко мешаясь с ванильным ароматом пончиков. Нет, только не сейчас. Ни за что!

Минут через сорок, когда сладкое отупение прошло, а шоссе рассекло очередной поселок, я нашел там магазинчик попрстойнее и набрал разных нарезок.

+++

Туман встретил меня в версте от шоссе. За воротами с обманным предупреждением он сгустился так, что даже фары не помогали.

Очень медленно я вел «мерина» вперед – словно сам брел на ощупь. Вглядываться вперед было бесполезно. Только белесая муть, проткнутая лучами фар. Поворот ли впереди, подъем ли, спуск – совершенно не разглядеть. Разве что тени кустов по краям дороги, они угадывались шагов на пять впереди машины, здесь туман еще не успевал растворить их. Лови намечающийся изгиб, или спуск...

Я полз как черепаха, впереди медленно струился туман в свете фар, и так же медленно текли мои мысли.

Было, о чем подумать.

То ли еда меня успокоила, то ли кофеин наконец-то подействовал, но раздраженная торопливость отступила, я мог мыслить логично. Правда, легче от этого не становилось.

Чем больше я вспоминал Диану утром, тем яснее мне становилось, что чем-то она все-таки занималась.

Чем? А что паучихи умеют делать лучше всего? Копаться в головах.

Но кроме меня в доме никого нет. Нет никого на версты вокруг. Рядом с ней только я. Значит...

Я поежился.

Могла она копаться во мне, пока я спал? Но я же ничего не чувствую. Никаких изменений.

Хотя... Что я знаю о том, как чувствуют себя те пурпурные? Может быть, им тоже кажется, что в их головах никто не копался. Даже наверняка. Уверены, что все, что они делают – делают по собственной воле. И к собственной пользе.

Наконец-то слева остался большой поворот – последний перед домом, вроде бы. Да, так и есть. Вместо деревьев, наполовину растворенных в тумане – потянулась темная, словно провал в никуда, поверхность пруда.

Я напрягся, пытаюсь уловить холодный ветерок в висках. Быстрое настороженное касание, почти рефлекторное. Здесь уже совсем близко, здесь она должна почувствовать, что кто-то рядом.

Но касания не было.

Вытянув шею и приподнявшись на сиденье, чтобы заглядывать за переднее крыло вниз, на дорогу перед самыми фарами, где еще что-то различимо, хоть так угадать края дорожки, я обогнул дом и заехал в гараж.

И все еще не чувствовал Диану. Ни единого касания, даже самого робкого. Странно... Не может же она спать? Все то время, пока меня не было, целый день...

Или она настолько чем-то занята, что и моего приближения не заметила, и машины не услышала?

Тпру! Не надо накручивать себя. Цепь я проверил, а больше ей тут заниматься нечем. Нечем! И не надо себя накручивать.

Ночью тоже было нечем... Но утром она была сонная и выжатая. Не так ли?

Я выключил фары, вокруг машины сгустилась непроглядная чернота. Робкий свет из салона таял, едва оторвавшись от машины. Стен гаража не видно, будто и нет вовсе.

Будто и самого гаража нет, и вообще ничего нет – кроме островка света в машине. А больше во всем мире ничего не осталось. Все растворилось, пропало куда-то...

Из-за плотного тумана казалось, что вокруг не отсутствие света – а темнота, наползающая со всех сторон.

Я положил руку на ключ зажигания, чтобы заглушить мотор, но не решался повернуть его.

Нет ничего, кроме островка света. А выключишь мотор, пропадет и он. Пропадет машина, пропадет все – кроме темноты, которой пропадать некуда, которая вечна...

Стыдясь на себя за этот детский страх, я сначала приоткрыл дверцу, чтобы сходить включить свет в гараже, а потом уж выключить свет в салоне машины.

Туман заполз внутрь, холодно касаясь кожи, оседая крошечными капельками воды. Неся с собой запах сырости, прелых листьев... и чего-то еще.

Я не выдержал и захлопнул дверцу. Посидел еще несколько секунд, вдыхая запах кожи и ваниль пончиков. За несколько часов езды эти запахи приелись, стали незаметны. Но после глотка влажного тумана, полного запахов разложения, – я снова почувствовал, насколько же сладко пахнет внутри.

А когда распахнул дверцу, сырость тумана и запахи в нем стали еще противнее. Морщась, я пытался разобрать, чем пахнет. Неужели так может пахнуть одна лишь прелая листва? Трудно было в это поверить. Больше всего это напоминало...

...обшарпанные темно-зеленые стены, скамейки под изодранным кожзамом, горбатый линолеум – и запах, тяжелый запах, пробивающий даже резь хлорки, запах, к которому совершенно невозможно притерпеться...

Через открытую дверцу свет чуть раздвинул темноту. Но он слишком слаб, чтобы добраться до стен. Темная пелена скрывала все вокруг, даже въезд в гараж не различить.

Я помнил, где выключатель. Но, боюсь, он мне мало поможет, если я собираюсь добраться до дома с его помощью. Даже мощные фары «мерина» протыкали этот туман на несколько шагов – а что сможет сделать свет, падающий из ворот гаража? До заднего входа в дом метров сорок. Сейчас это больше бесконечности.

Уже поставив одну ногу на пол, я все сидел на краешке сиденья, взвешивая: стоит ли копаться в рюкзаке, отыскивая фонарь, или я готов пройти сорок метров в полной темноте, окруженный туманом, съедающим даже звуки?

Смешно. Глупо.

Испугался темноты. Это даже не смешно – противно. Маленький жалкий трус.

Но я ничего не мог с собой поделаться. Освещенный салон казался единственным островком света, что остался в мире. И если пойти без фонаря... В темноте... Считая шаги – и ожидая, что вот-вот под ногами появятся ступени, или руки наткнутся на каменную стену... А стены

не будет. И под ногами будет ровно. Все время, сколько ни иди. И вокруг – только темнота. Во все стороны. Навсегда.

Сорок шагов. Всего сорок шагов. Пока ты будешь в темноте, с миром ничего не случится. Ничто никуда не денется.

Только где-то в глубине, под ложечкой, я никак не мог поверить в это. Разумом – знал, а нутром – не чувствовал.

Мне было стыдно, противно, но я ничего не мог с собой поделаться. Может быть, из-за запаха. Я различал его все явственнее.

Это всего лишь мышка. Маленькая дохлая полевка. Тот хозяйственный кавказец поставил пару капканов, чтобы мыши не сгрызли ничего в гараже, и какая-то мышь попалась. А теперь разлагается. Запах накопился здесь, но стоит выйти наружу, останется только запах прелых листьев. Листьев – и ничего больше.

Но кто-то в глубине души с этим не соглашался. Потому что темнота вокруг, съевшая весь мир, окружившая тебя навечно, – возможно, еще не самое плохое, что может быть. Потому что иногда в темноте может быть что-то, о чем ты не знаешь...

Трус. Маленький жалкий трус!

Да, это обо мне.

Поэтому я вылез, пялясь в темноту. Так, не оборачиваясь, спиной прижимаясь к машине, чувствуя надежный корпус, светящийся изнутри, обошел ее. Открыл багажник – спасибо за еще один тусклый огонек, – расстегнул рюкзак и стал отыскивать фонарь.

Спиной я чувствовал, что где-то позади, шагах в четырех за мной, ворота – открытые в темноту. Запах казался еще сильнее. А фонарь все никак не отыскивался. Я не выдержал, шагнул вбок. Чтобы стоять вполоборота к воротам. Я не видел их, даже сюда свет из салона едва доставал, а тусклой лампочки в багажнике хватало только на то, чтобы осветить рюкзак и запаску.

Наконец-то я нащупал рифленый металл фонаря. Быстрее выдернул его и зажег, словно боялся опоздать. Боялся, что что-то опередит меня...

Луч света чуть проткнул густую темноту. Где-то впереди стал различим провал ворот.

Конечно же, никого там не было. Никто не крался из темноты мне за спину.

Бояться таких вещей – просто смешно. Особенно – когда все вокруг хорошо освещено. А еще лучше днем, когда весь мир залит светом, теплым и надежным светом солнца.

Но у меня в руке был только слабый фонарь.

Вполоборота к воротам я пошел вдоль машины, вернулся в салон и выдернул ключ зажигания. Темнота скачком надвинулась. Теперь во всем мире остался только свет фонаря.

Светя перед собой, протыкая темноту хотя бы на пару шагов, я дошел до ворот, переступил порог и остановился. Нащупал косяк, рукоятку. Вручную опустил ворота.

Втянул полную грудь воздуха, чтобы избавиться от запаха падали...

И скривился от отвращения, выдыхая обратно. Запах был и здесь. И куда сильнее, чем внутри.

И это вовсе не мышка...

Я светил фонарем вокруг себя, левой рукой вцепившись в косяк ворот. Туман съедал луч фонаря, я видел только белесую муть, и все. Луч истаявал в каких-то паре метров от меня. Ничего не рассмотреть. Если хочу что-то увидеть – надо двигаться.

Стараясь не дышать глубоко, я повел носом. Откуда тянет мертвечиной?

Кажется, слева. Не решаясь оторвать руку от стены конюшни, ведя по ней кончиками пальцев, я сделал пару шагов, снова принюхался. Да, тянуло с этой стороны.

Ведя рукой по стене, я шел дальше, запах становился все сильнее. А потом стена ушла из-под пальцев.

Я вздрогнул и шагнул обратно, жадно нащупывая стену.

Вот она! Я боялся отпустить ее. Туман давил на меня, окутывал со всех сторон. Если я сделаю несколько шагов прочь, я уже не увижу стену, туман проглотит ее... и расступится ли вновь, вернет ли ее, когда попытаюсь вернуться? Или сколько ни иди, стены не будет... Останется только туман...

Туман и темнота. А за ними есть еще что-то... кто-то...

Не сходи с ума!

Я хотел развернуться и броситься к дому – но я знал, что это будет за чувство, когда я зажгу свет. Запалю камин. Как смешны будут все страхи, что сейчас владеют мной – и как мерзок я буду самому себе. Трус. Маленький жалкий трус.

Я направил фонарь вниз и поводил вокруг. Вот дорожка, идущая вокруг конюшни, вдоль самой стены. Загибается налево. Все так, как и должно быть.

Я шагнул дальше – и вздрогнул. Что-то мягкое было под ногой...

Мгновенный ужас окатил меня – и пропал так же быстро. Это всего лишь комья прелых листьев. Сбились к коротким прутьям, торчащим из земли, да и застряли здесь. Лежат и гниют. Я всего лишь сошел с дорожки, она здесь очень узкая. А дальше – обрубки кустов. Кавказец подрубил их, чтобы не разрастались.

Светя фонарем под ноги, я двинулся дальше.

Трупный запах стал так силен, что меня затошнило. Что это может быть? Дохлая лесная зверюшка? Птица?

Но здесь же их нет, Диана их всех вывела отсюда. И уж совсем невероятно, чтобы кто-то забрел-залетел сюда, в эту пустую глушь, только для того, чтобы умереть тут...

Я вдруг понял, куда привел меня этот путь. За дальний угол конюшни, где с краю зарослей кустов – рукотворная прогалина, испещренная холмиками.

А потом под ногами, в расплывчатом круге света, среди темной земли – появилось что-то светлое. Почти белесое. Даже на взгляд податливое, как размякшая от воды бумага, но это была не бумага, это была кожа, человеческая кожа, черт знает сколько времени пролежавшая в земле, землистая, синюшная...

Я бы заорал, но воздух комком застрял в моем горле, а ноги сами рванули меня назад.

Лишь когда спина уперлась в стену, я осознал, что именно видел в неверном свете фонаря. Нога. Человеческая нога. Лодыжка и ступня. Фонарь высветил только их, потому что я направлял его вниз. Но дальше, в темноте и тумане...

Меня била дрожь. Все мышцы напряглись, и колючий жар разливался по ним – энергия, не находившая выхода. Тело стало будто чужое, а я – лишь гость в нем. Руки, ноги – я их чувствовал, но управлял ими кто-то другой, напуганный до смерти. Я лишь наблюдал за всем этим со стороны. Во сне. Это просто сон.

Я светил фонарем перед собой.

Тот... *То*, что было впереди – до него всего три-четыре шага.

Я выдернул из кармана Курносого – с ужасом понимая, что это не поможет. Мальчишка был без крови, а тем двоим Гош прострелил головы. И если они могут двигаться... если они все еще могут двигаться... что им мои пули?

И тут я понял. Озарение было ярким, как удар.

Жаль, слишком поздно. Теперь это меня не спасет...

Вот чем занималась Диана. Вот почему она была выжата так, будто жернова ворочала – одной силой мысли. В самом деле почти жернова, и почти одной силой мысли.

Я обреченно ждал, направив фонарь и револьвер перед собой, – но ничего не происходило. Спереди никто не шел на меня.

Сбоку. Сбоку, конечно же!

Я махнул фонарем вправо. Из тумана выступила тень, и я потянул крючок – но не выстрелил. Всего лишь голый куст. Быстрее влево!

Тоже ничего.

Снова прямо перед собой. Но и тут ничего. Лишь клубящаяся темнота тумана.

Значит, они делают что-то хитрее... *Она* заставляет их делать что-то хитрее...

Сердце вырывалось из груди, пульс гудел в ушах, я махал фонарем из стороны в сторону, тыкая в темноту вокруг. Понимая, что это бесполезно. Вот и все...

Вот и все...

Я стискивал револьвер, сжимал фонарь. Только бы не погас, только бы не сейчас... Хотя и это уже ничего не изменит...

Вот и все...

Я потерял счет времени.

Минута? Две? Полчаса? Не знаю, сколько я простоял так, дрожа и задыхаясь, от ужаса почти перестав замечать смрад разлагающихся тел.

Время шло, а вокруг была лишь темнота. И тишина.

Револьвер в руке стал скользким. От осевших капелек тумана, или от моего холодного пота? Рукоять выскальзывала из руки.

Наконец я решился. Зажав ствол под мышкой, я быстро отер руку о рубашку под плащом, и снова стиснул рукоять.

Но вокруг ни звука, ни движения. Луч фонаря вырывал из темноты только тень справа – обглоданный темнотой куст.

Постепенно мысли перестали носиться обрывками в шквальном ветре. Стали связными. Я снова мог размышлять.

Теперь я знаю, откуда запах. *От чего* он. Но...

Как же она смогла? Я всегда думал – я всегда *знал*, потому что так мне объяснил Старик, – что паучихи могут только копать в головах. А тела – жабья вотчина.

Эти же... Черт с ним, что они были мертвы. Те, в морге – тоже были мертвы, и все-таки жизнь возвращалась в их тела после того, что те три жабы сделали с ними в пристройке. Но в тех телах жизнь, кажется, *угасла*. Ушла медленно, сама. Их тела были без повреждений, и, может быть, чтобы жизнь держалась в тех телах, не хватало самой малости – легкого касания силы, черного дара, которым владеют беловолосые чертовы суки.

Но у этих троих... Их жизнь оборвалась, и оборвалась невозвратно. У двоих прострелены головы. Нервным сигналам, приказывающим мышцам двигаться, было неоткуда выходить. Они просто не могли двигаться. *Не могли!* А мальчишка был обескровлен. А без крови... без циркуляции крови по всему телу... могла ожить печень, наверно. Но мышцы?.. Как клетки его мышц могли сокращаться – без притока кислорода и без притока того, что можно окислить?.. Может быть, каким-то чудом – черным чудом – у него и могли ожить клетки печени, но как он мог *двигаться*?

И, дьявол побери, как это могла сделать *Диана?! Она же паучиха, не жаба!*

Я поводил фонарем из стороны в сторону, прислушивался, но вокруг было тихо и пусто. И, главное, предчувствие – предчувствие, которому я привык доверять – молчало. Молчало, пока я сидел в машине, почуяв странный запах. Не проявляло себя никак, пока я шел сюда. Безмолвствовало сейчас.

Во рту было сухо, губы пересохли. Я облизнулся, но язык был сухой и шершавый, как наждачная бумага.

Все-таки я заставил себя сделать шаг вперед.

Еще один. И еще, светя фонарем себе под ноги.

Я почти уверил себя, что мне просто почудилось.

Туман, напряжение последних дней, воспоминания... Вот и почудилось. Ничего удивительного.

Запах? Запах есть. Но это всего лишь птица или зверь.

Потому что есть вещи, которых не бывает. *Которых просто не может быть...*

Сердце бухнулось в груди и затаилось, а фонарь чуть не вывалился из руки.

Мне не показалось. Нога была здесь. Человеческая.

Ступня. А чуть правее – еще одна ступня. Кто-то лежал на земле, ногами ко мне.

Я повел фонарем дальше, вырывая из темноты колени, бедра, кисть. Уже понимая, кого я вижу. Слишком маленькие ступни, чтобы это был кто-то из ее слуг.

Свет фонаря таял в тумане, мне пришлось шагнуть почти к самым ногам, чтобы увидеть грудь и голову.

Мальчишка. Глаза закрыты, но это ничего не значит.

Правая рука опять начала ныть. Там, где металл рукояти касался кожи, покалывали маленькие иголки.

Я пихнул ногу мальчишки носком ботинка. И сморщился. Это была не боль, но это была куда более мерзкое ощущение – плоть, прожимающаяся под носком ботинка, распухшая и мягкая, почти рвущаяся, впускающая ботинок в себя... Я отдернул ногу, но потом заставил себя еще раз пнуть его.

Снова никакой реакции.

Но я слишком хорошо помнил, что мы кидали его. Следом за двумя слугами. А потом еще и присыпали землей.

Реакции нет, но как-то же он здесь очутился?

Яма была где-то дальше. Шагах в трех, наверно. Туман съедал луч фонаря, я видел не дальше головы мальчишки.

Или эти два-три шага от ямы – все, на что хватило его мышц без кислорода? Какой-то же кислород там оставался... В последних каплях крови, что остались в его сосудах и мышцах...

Прислушиваясь так напряженно, что в ушах звенела тишина, я медленно водил фонарем по сторонам. Мальчишка не двигается, но их было трое. И из тех двоих кровь никто не выкачивал.

Правда, у них прострелены головы... Не понимаю, как она могла управлять ими, даже если их тела каким-то чудом ожили... Но я не понимаю и того, каким образом их тела ожили. Однако мальчишка смог раскидать землю и проползти несколько шагов. Так почему я так уверен, что она не может ими управлять, несмотря на пробитые пулями головы?

Руку простреливало все сильнее. Мне хотелось бросить револьвер, металл словно кусался разрядами тока.

Стиснув зубы, я сделал шаг вперед и опять замер. Снова обратился в слух.

Если они и были поблизости, я их не слышал. И не чувствовал. Предчувствие молчало.

Молчало – или просто пропало?.. Я так привык ему доверять – но что, если Старик был прав, и это просто мое самовнушение? А на самом деле просто стечение случайностей. Обычно удачное – но теперь удача кончилась...

Я все-таки заставил себя шагнуть дальше – и тут же встал. На черной земле что-то белело. А запах мертвечины был так силен, что воздух казался густым.

Здесь гниль проела тело насквозь – почти жидкая мешанина бурого, черного, синеватого, каких-то нитей...

Потом я понял, что это волосы, осколки костей и комки застывшей крови и плоти. Простреленная голова. Блондина.

Я повел фонарем дальше. Спина, а под ней край ямы. Он выбрался из ямы лишь наполовину.

У чертовой суки кончились силы? Или даже ее черного дара не хватило на то, чтобы управлять телом, лишившимся головного мозга? Или...

Револьвер колот кожу, но я крепче сжал рукоять. Или это – ловушка?

Потому что сил у нее в самом деле немного, да и трупы едва ли способны двигаться слишком уж активно. Вот и остается ей только хитрить. Заманить поближе...

Третий. Кавказец. Он был самый сильный. Может быть, и после смерти в нем осталось больше жизни? Он должен быть в самом низу ямы. Если блондин не смог вылезти из нее, то кавказец и подавно. Но...

Было что-то странное в его позе. Я заставил себя отстраниться от мысли, что с простреленной головой даже трупы не могут двигаться – эта мысль склинивала остальные, ловила мой ум в капкан, и пока я отбросил ее. Но даже при том, что голова была прострелена, было что-то неправильное в том, как он пытался вылезти из ямы... Руки. Его руки были бессильно вытянуты вдоль тела. Не вперед, чтобы зацепиться ими за землю перед собой, чтобы ползти дальше – а вдоль тела, будто он пытался зацепиться за край ямы и воспротивиться силе, что вытаскивала его оттуда.

Или сам затаскивал свое тело обратно в яму. Чтобы все выглядело так, что он оттуда так и не выбрался. Только про его руки чертова сука забыла. У них не осталось глаз, она не могла смотреть их глазами – вот и забыла, в каком положении оставила его руки...

Запах был чудовищный, и первый раз я был рад, что туман глотал свет фонаря, не давая рассмотреть мелочей. Я не хотел разглядывать эту простреленную голову, две недели пролежавшую в земле меж двух других тел.

Я ткнул его носком в плечо, ощутил мерзкую податливость распадающейся плоти. Он не шелохнулся.

Бочком я двинулся дальше, мимо него. Косясь, не нырнет ли его рука, сейчас такая бессильная – ко мне.

Краем глаза заглянул в яму под его согнутыми ногами.

Кавказец был там. Лежал так, как его и бросили туда Гош с Виктором.

Не спуская луч фонаря с трупа блондина, я отступил на шаг. Помедлил несколько секунд, но ничего не происходило. Ничего.

С чего я взял, что она сделала это нынешней ночью?

Две недели назад она сделала это. Когда мы уехали, она пришла в себя, и трупы были еще свежие. Еще не все клетки были мертвы. А простреленные головы... Если она может залезать в голову – как-то влиять на нейроны мозга – то почему она не могла попытаться действовать на похожие нейроны в мышцах, заставить мышцы сокращаться напрямую, без нервных импульсов то мозга?..

Нервные клетки, они же похожие.

Похожие, да все же разные. Старик говорил, что так – вздергивая по отдельной мышце, влияя на отдельные клетки – могут только жабы.

Руку кололо ужасно, я сунул револьвер в карман. Сразу не отпустил, ожидая, не случится ли чего-то теперь. Но секунды ползли, боль в руке нарастала, а ничего не происходило. Я разжал пальцы, дал Курносому провалиться в глубину кармана и вытащил руку.

Да, две недели назад. Кое-что это объясняет... Кроме самого главного. Старик не знал, что некоторые чертовы суки умеют то же, что и жабы.

Рукавом плаща я зажал нос. Еще раз обвел фонарем тела. И пошел, засеменял, побежал прочь.

Только у ворот гаража я остановился, выдохнул до предела, и втянул полную грудь воздуха. Свежего, чистого осеннего воздуха. Десять минут назад воздух здесь казался мне смрадным, но теперь этот воздух был чист и сладок.

Чертова сука... Надо же... Никогда бы не подумал, что она на такое способна...

Хорошо, что в телах оказалось слишком мало жизни. А если бы она дотаскала одного из них до дома? До подвала? Заставила бы выбить задвижку из крышки погреба?..

По вискам мазнуло холодком, я собрался, стянулся в твердый комок, выгоняя непрошеное касание – но оно уже само убралось. Вот и приветствие. Все-таки спала, только проснулась? Помяни черта, он и явится...

Она снова затаилась, словно пропала.

Я двинулся к дому, потом вспомнил про пакет с едой и вернулся к машине.

+++

В доме было тепло и прозрачно. Луч фонаря вдруг стал ярким и длинным, уперся в дальнюю стену, рассеялся, осветив прихожую.

Туман хлынул вслед за мной сырой холодной волной, протягиваясь мутными белесыми языками, я скорее захлопнул дверь. Мне хотелось сохранить в доме сухой прозрачный воздух. Здесь сразу стало легче, будто сбросил тяжелую ношу.

Где-то вдалеке загремела цепь, шелкнул выключатель, и далеко впереди, почти на другом конце дома, у главного входа, высветился дверной проем.

Задний корпус дома когда-то использовалась для праздников. Три комнаты шли анфиладой – если можно назвать комнатами эти большие помещения. Та, что сейчас была ближе всего ко мне – игровая, наверно. Дальше совсем уж огромный зал, видимо, для танцев. По ту его сторону парадная столовая.

Дальше холл, между лестницей и главным входом. Именно там горел свет, освещая сквозь распахнутые двойные двери парадную столовую, бросая отблески сквозь зал, через третью комнату до самых моих ног. Я выключил фонарь и стал отирать ботинки о входной коврик. Особенно тщательно носки.

Снова звякнула цепь, и в далеком светящемся проеме появилась Диана.

– Мой господин, – приветствовала она с улыбкой, оставаясь в дверях.

Цепь не пускала ее дальше. Хотя нет, метров десять она еще могла бы выбрать... если бы хотела.

Она сладко потянулась... тонкий шелк просвечивал, свет обрисовал ее фигурку. Тонкая и грациозная, как кошка.

Кошка... Тигры тоже кажутся милыми кошками, пока издали и пока они видят твое лицо. Но стоит повернуться спиной, и узнаешь, что это за милые кошечки... На что еще она способна?

Я двинулся через комнаты.

– Надеюсь, вы выспались?

– Выспалась... но проголодалась.

– Это поправимо.

Диана втянула воздух и замурчала.

– Как сладко пахнет!

– Пончики.

Я свернул в столовую, она шла следом, позвякивая цепью.

– Но надеюсь, кроме сладких булочек вы привезли еще что-то съедобное?

– Полный пакет.

Я поставил пакет на стол и стал выкладывать плоские картонки нарезок.

Диана кружилась вокруг, как голодная кошка.

Но когда я выложил несколько яблок и пяток киви, и пакет опустел, Диана помрачнела.

– А где еда?

– А это?

Она удивленно вскинула брови, с подозрением разглядывая меня.

– Влад, вы в самом деле называете *это* едой?

– А что же это?

– В лучшем случае, закуски... Я надеялась, вы привезете свежей рыбы, мяса, овощей...

Приготовите что-нибудь вкусное...

– Приготовлю?..

– Да... – Она замолчала, хмурясь. – Почему вы так смотрите на меня, Влад?

– Мучаюсь совестью. Это ничего, что стол сервирован без свежих цветов?

– Но...

– Еще забыл камин вычистить, и не успел воском полы натереть!

– Влад, вы говорите так, будто бы готовили лишь для меня... а и не для себя тоже.

– Меня и это устраивает.

Диана вздохнула, воздела очи горе:

– O tempora, o mores...

– Диана, если вы не хотите есть... – Я сгреб нарезки к краю стола, чтобы запихнуть их обратно в пакет, но она коснулась моей руки.

– О... – Диана мягко улыбнулась. – Разве мой господин не простит меня великодушно? Меня и мои ужасные привычки... Кажется, очень скоро я избавлюсь от них, даже если сама того не желаю...

Я не стал ее слушать, ее шпильки мне уже порядком надоели. Сходил на кухню, принес большое блюдо и выложил туда скопом все нарезки.

Потом уселся в другом конце стола и стал чистить киви. Резал его на ломтики и ел.

Терпеливо ждал, пока Диана утолит голод.

Словно нарочно, она ужасно медленно орудовала ножом и вилкой, кромсая тонкие куски нарезки поперек, отправляя мясо и рыбу в рот совсем уж крошечными кусочками. Хлеб она почти не ела. Пару раз отломилась по чуть-чуть, даже не доела один ломтик белого хлеба. Видимо, за последние дни она его наелась, в виде галет. А может быть, и до того не очень-то жаловала.

Наконец скрестила нож и вилку на салфетке перед собой.

– Может быть, вина? – улыбнулась Диана. Смешливые искорки в ее глазах говорили, что она прекрасно помнит, что я вино пить не буду.

Я растянул губы в вежливой улыбке.

– Почему бы и нет?

Я поднялся и прошел на кухню.

Вино, да. Только ты не знаешь, что сегодня к вину у нас припасен и десерт.

Я поставил перед ней бокал сухого красного вина и вернулся на свое место в противоположном конце стола. Подождал, пока она пригубит.

– Диана, а почему вы не смогли освободиться?

Она поставила бокал и удивленно посмотрела на меня.

– Мне казалось, вы сами все сделали так, чтобы я не сбежала от вас. Эта цепь...

– Нет. Не сейчас. Раньше, пока меня здесь не было. Почему вы не выбрались из погреба?

– Как же? Кто-то из ваших друзей запер крышку задвижкой, если вы не знаете.

– Знаю. Это был я.

Диана одарила меня самой обворожительной улыбкой.

Кроме задвижки я еще стянул леской ее руки и ноги. От лески, впрочем, она как-то избавилась, и довольно быстро. Когда я ее доставал, руки и ноги у нее не отекали, не загангренелись, даже следа не осталось. А тонкая леска опасная вещь. Ей можно и руку отпилить, и горло перерезать.

– И все-таки вы могли выбраться. И пытались.

– Конечно, я пыталась! Но крышка —

Я лишь поморщился.

– У кого из вас не хватило сил? У вас – или у них?

– У них?..

– Перестаньте, Диана. Я видел тела. Вы пытались поднять их.

– Тела?..

– Тела! Трупы! Мальчишка и ваши слуги! Вы пытались поднять их, чтобы кем-то из них доползти до подвала и сдвинуть щеколду!

– Я? Пыталась поднять? Мертвых?.. – Диана снисходительно улыбнулась. – Я польщена, что мой хозяин такого высокого мнения о моих способностях, но, увы, они много скромнее. Я...

– Хватит, Диана! Когда мы уезжали, мы закопали ваших слуг и мальчишку! Но теперь они раскопаны. И...

Я осекся.

Закусил губу, но слово не воробей. Дурак! Господи, какой дурак...

Только сейчас я понял, почему тела были раскопаны, и почему блондин так странно лежал на краю могилы.

Трусливый дурак! Паучиха – всего лишь паучиха. Поднять и управлять мертвецом – это им не под силу. Старик был прав, конечно же, прав. Диана тут совершенно ни при чем.

– Вы закопали тела?.. А теперь они раскопаны?..

Диана снова улыбнулась, но теперь это была совсем другая улыбка. Настоящая. Искренняя. Откровенно злая. Она тоже все поняла.

– Все-таки я была права, Влад. Вы замахнулись на кого-то, кто оказалась сильнее вас. И охотники превратились в жертв.

Я молчал. Сам ей все рассказал, теперь уж не отопрешься. Нельзя было выбалтывать все открыто! Надо было осторожно, исподволь выпытать... Надо было. Знание – половина силы.

– Кого-то вы не смогли убить сразу. Вас заметили, и теперь уже на вас устроили облаву. Стали проверять, на кого еще вы могли напасть... Жаль, я была уже слишком слаба, чтобы почувствовать их, когда они ходили по моему дому.

К счастью.

– Ходили здесь... – Диана помрачнела. – Над самой головой...

Но о погребке не знали, и в темноте не заметили. А может быть, видели крышку, но лезть не стали. Нашли свежую могилку, раскопали, нашли трупы слуг. И решили, что раз с ними нет трупа их госпожи, то ее куда-то увезли.

– Они должны были проверить алтарь... Были совсем рядом... – Диана сжала губы и посмотрела на меня. – Значит, это не ссора в вашей стае. Все-таки они нашли вас. Разворошили ваше гнездо, нашли ту несчастную. Вот почему вы вернулись. – Она прищурилась. Я почти чувствовал, как ее глаза обшаривают мое лицо, пытаюсь найти хоть малейшую слабину. – Ту несчастную у вас отобрали, а ваших друзей перебили...

Я замер, даже дышать перестал, стараясь удержать на лице каменную маску.

Знание – половина силы. Нельзя дать ей больше ни кусочка информации. Она не решается тронуть меня своими щупальцами, она все еще боится. Но если она узнает, что я остался один... Что никто не приедет сюда, если со мной что-то случится...

– Вы ведь остались совсем один, не так ли?

Я улыбнулся.

– Милая Диана, я понимаю, что вам очень хочется в это верить... до такой степени хочется верить, что кое-какие очевидные вещи ускользают от вас.

– Вы не ответили мне, Влад.

– Очевидные, и куда более *важные* для вас. Может быть, наше... *гнездо* и разорили, не стану скрывать этого... Но главное в другом.

– В чем же?

– Они были здесь. Она нашли трупы ваших слуг, но они не нашли вас. Ни живой, ни мертвой. В нашем разоренном гнезде они вас тоже не нашли. Если они все еще ищут вас, то в одном они уверены точно: *здесь* вас нет и не будет. Именно это они расскажут всем, кого хоть в малейшей степени будет интересовать ваша судьба. Не уверен, что таких много бродит по белому свету. Не уверен, что такие вообще есть. Но даже если они есть, они не станут искать вас *здесь*. Никто.

Диана склонила голову набок.

– Выходит, один на один... – сказала она. – Не самый плохой расклад.

Снова улыбнулась, и ее улыбка мне не понравилась.

– Не совсем так, – сказал я.

– Я не поверю вам, Влад, пока я не увижу кого-то из ваших друзей.

– О, в это вы можете верить или не верить. Но и кроме нас двоих здесь есть еще кое-что существенное.

Я нагнулся и дернул за цепь. Звенья натянулись, потянули ошейник, дернули за шею Диану, она с трудом удержалась на стуле.

– Даже если вы сумеете справиться со мной, и сможете удержать под контролем час или два, пока сами не устанете подавлять мою волю... Что дальше? За этот час я не сниму вас с цепи – без инструментов. А инструменты в деревне. Две версты. Внушите мне идти в деревню и принести инструменты? По дороге я приду в себя. Пойму, что случилось. Выкорчю внушенные желания... – Я замолчал и улыбнулся. По ее глазам я видел, что она уже знает конец. – Я не буду спешить обратно. Подожду, пока вы вновь ослабнете без еды. Вернусь... Второй попытки не будет, Диана. Я просто пробью вам лоб. Вы будете как та... *несчастливая*, – повторил я словечко Дианы.

– Я уверена, что есть какой-то способ разорвать цепь и без тех инструментов. Должен быть. Если вы *захотите* снять цепь с меня, я уверена, вы обойдетесь и без похода в деревню за инструментами... – она улыбнулась, но я никак не мог понять, шутит она – или решила поиграть всерьез.

– Хотите проверить? Не забывайте, Диана. У вас будет лишь одна попытка.

– Иногда стоит рискнуть.

– Думаете? На вашей половинке весов слишком много если. – Я поднял руку и стал загибать пальцы. – *Если* у вас получится подмять меня целиком, до такой степени, что я захочу найти способ снять с вас цепь. *Если* такой способ вообще есть. *Если* я его найду. *Если* у вас хватит сил контролировать меня столько времени, чтобы реализовать этот способ... И *если* я не ошибусь, пока буду снимать ошейник без нужных инструментов, случайно не вспорю вам шею или не переломлю позвоночник... Не слишком много если, Диана?

– Пока не попробуешь, не узнаешь.

Я хотел раскрыться, чтобы швырнуть то, что было на *моей* половинке весов. Никаких если. Лишь прикованное к дубовому столу тело ручной дьяволицы, с завязанными глазами и шрамом на лбу, с намазанными душистым маслом ногами, и бешеными от голода крысами...

Но она коснулась меня сама – нагло и грубо, облепляя ледяными щупальцами. Я не успел возмутиться, надо было сосредоточиться, выровнять чувства и заглушить все посторонние мысли.

А потом было уже не до того. Атаки шли одна за другой, и сила ударов нарастала.

Прикрыв глаза, краем сознания я следил за ней – не бросится ли она ко мне через комнату. Вблизи ее сила возрастет многократно. Лоб ко лбу, ее ледяные щупальца превратятся в огромные айсберги, затирающие мое сознание, как крошечную лодочку, смолотят в труху.

Она сидела на месте, будто это была тренировка, которая должна была последовать после ее ужина. И на ее лице гуляла улыбка, будто бы она просто решила пошалить, начав тренировку без моего формального разрешения... если бы эта улыбка не была такой напряженной.

В какой-то миг мне показалось, что она пробует мою защиту не потому, что должна тренировать меня, – а в самом деле проверяет ее на прочность. *Для себя*. Раздумывая, не атаковать ли меня по-настоящему.

Хотелось закрыть глаза, так легче сосредоточиваться. Но я не решался. Отбивался и следил, не поднимется ли она. Если она попробует подойти ко мне...

Пока я еще мог ускользать от ее проникновений, сбрасывал с себя ее щупальца...

И видел, как улыбка сходит с ее лица.

Но у нее есть кое-что в запасе. Пока она не использовала свой самый сложный финт. И я чувствовал, что это не от забывчивости. Среди ее ударов были похожие финты... были финты, *раньше* похожие на тот финт. Сейчас она убрала из них все, что хоть немного напоминало изюминку того финта.

Я отбивался и ждал.

Отбивался, пока вдруг не понял, что даже с открытыми глазами мне легко выдерживать ее атаки. Могу даже чуть отвлечься – и заметить, что мои руки вспотели и стиснулись в кулаки. Могу еще больше: отвлечь кусочек воли от борьбы с ней на то, чтобы разжать пальцы, давая воздуху слизать капельки пота.

Щупальца Дианы стали слабее, финты медленнее. Она выдохлась.

Я скосил глаза на часы в углу. Ничего себе! Я был слишком занят, чтобы ловить течение времени. Мне казалось, что прошло минут пять. Ну, от силы четверть часа... Сорок минут.

Диана шумно выдохнула и закрыла глаза. Щупальца пропали.

Минуту я еще ждал, не расслабляясь. Хитрит, чтобы ударить неожиданно?

Но касаний больше не было. Наконец Диана открыла глаза.

– Теперь я могу идти? – как ни в чем не бывало спросила она, поднимаясь.

– Диана...

– Как? – она изобразила удивление. – Вы и теперь недовольны тем, как я старалась?

– Я не давал разрешения начинать...

– О... Будьте снисходительны, простите даме маленький каприз.

– Что ж... Буду снисходителен.

– О! – Диана улыбнулась мне с издевательской признательностью. Сделала книксен.

– Но только в этом!

Старательно вздернутые брови.

– Разве я провинилась в чем-то еще?

– Да. Вы пропустили один финт.

– Разве?

– Уж поверьте мне.

– Что ж, раз вы так говорите... – Она вздохнула и потеряла виски. – Может быть, я что-то и упустила... Давайте начнем с этого утром. – Она прихлопнула по столу кончиками пальцев, ставя точку. – Спокойной ночи, Влад.

Я тоже поднялся. Шагнул к камину, пока она шла к выходу, позвякивая цепью.

Успел. Я поймал ее отражение в стекле буфета, когда она шагнула к двери. Увидел ее вскинутые на миг глаза, ее лицо. Но вот разобрать, что творилось под этими красивыми чертами...

Она прикрыла дверь за собой, звяканье цепи замерло по ту сторону холла, уплыло в глубину дома, а я все стоял и пытался понять, что же было на ее лице. Озабоченность там была, это точно. Но... Там не было раздражения, которое было после прошлой тренировки – когда вдруг оказалось, что я что-то могу.

И уж совершенно точно там не было обреченности.

Кажется, там даже была слабая улыбка... Слабая, но уверенная. Будто ей известно что-то такое, о чем я и представления не имею... Или это я уже себя накручиваю?

Я потрянул головой и понес остатки ужина в холодильник.

Часы тихо пробили четверть, потом чуть громче полчаса, а я все стоял над камином, смотрел в огонь и грел ладони.

Надо бы закопать трупы... Но не сейчас. Не сегодня. Некоторые вещи лучше делать, когда есть свет. Или хотя бы нет тумана.

Перед тем, как растянуться в кровати, я проверил, чтобы окна были наглухо закрыты.

Не хочу утром опять замерзнуть. И не хочу, чтобы всю ночь в щель фрамуги сочился тот проклятый запах, даже если я его здесь почти не ощущаю.

И все равно всю ночь мне снились вороны. Черные птицы дрались над кусками чего-то бледного, зеленоватого, склизкого. Блестели черные бисеринки глаз, глубоко вонзались мощные клювы.

IV. ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ

На рассвете мутный сон перетек в реальность, еще более мерзкую.

Я соорудил марлевую повязку, но тяжелая вонь разложившейся плоти сочилась и сквозь марлю, и сквозь ватные тампоны. А тела рвались под штыком лопаты, отказываясь заползть обратно под землю.

У меня разболелась голова, а в довершение всего снова закололо в руке.

Я похолодел. Бросил лопату и несколько минут сжимал и разжимал кулаки, шевелил пальцами, проверяя, не пропала ли жилка над правым большим пальцем.

Она проступала под кожей, и все-таки мне казалось, что палец на правой руке не так уверенно поднимается вверх, как на левой. Не так высоко... Но обе руки здорово замерзли, и может быть, правая онемела чуть сильнее. Руки по-разному сжимают черенок лопаты.

Я нашупал в кармане перчатки, натянул их и снова взялся за лопату.

+++

Горячая ванна не привела меня в порядок. Все вокруг, кажется, пропиталось вонью гниющих тел. Боль в руке чуть стихла, но еще оживала с каждым ударом пульса. Голову стягивал тугой обруч, никак не желал отпускать...

Диана уже ждала в столовой. Чистенькая, свеженькая и улыбчивая.

– Доброе утро, мой господин... О! – она нахмурилась, рассматривая меня. – Кажется, вы неважно спали?

Если и было в ее голосе сочувствие, то напускное. Сама она лучилась изнутри радостным ожиданием чего-то. Хотел бы я еще знать, чего...

– Зато вы сегодня необычайно веселы, Диана.

– Отчего же мне грустить? Мой ученик делает удивительные успехи.

– Меня беспокоит учительница.

– Прошу прощения?

– И сегодня, и вчера вы не делаете вот этого...

Я попытался как можно ярче вспомнить ощущения, какие я испытывал от ее сложного финта.

Судя по цепкому холодному касанию, она поймала образ.

– Ах, это...

Атака была молниеносной.

Ледяные щупальца лавиной обрушились на меня, шлепая со всех сторон. Я пытался следить за ее касаниями, сбрасывать их с себя – оборвать каждое из них было несложно, они рвались как тонкие нити. Заметил – и сбросил с себя... но их было много, слишком много, и я почти пропустил момент, когда из лавины мелких тычков, словно акулы из-за косяка мелких рыбешек, обрушились тяжелые удары. Настоящие.

Вонзились ледяными гарпунами, пробивая мою защиту, пуская во мне корни, наполняя самыми странными желаниями и эмоциями, – но я еще успевал выкорчевывать их прежде, чем они разрастались.

Мириады мелких шлепков отвлекали – и все-таки я замечал, когда из-за этой завесы Диана обрушивала настоящие удары.

Минуту или две – время становится другим в такие моменты – мы боролись, затем она отступила.

– Теперь вы довольны? – спросила Диана.

Я не спешил с ответом. Я отбил ее атаку, да...

И все-таки меня не покидало ощущение, что это не тот финт. Вроде бы, и то же самое, что я помнил... и совсем не то! Но вот в чем именно различие...

– Н-не знаю, Диана... В ту ночь, когда...

– Не надо! – оборвала она, поморщившись. – Я прекрасно помню *ту* ночь.

– Когда я потом к вам вернулся, уже один. Тогда вы делали то же самое... но иначе.

– Разумеется, иначе. После сотрясения мозга все делаешь иначе. По меньшей мере, медленнее.

– Медленнее, – согласился я. – Только сама атака была... чуть другой. Опаснее.

Диана терпеливо улыбнулась.

– Разве?

– Да.

Ее улыбка стала снисходительной.

– Чем же она была иной?

– Если бы я помнил точно, чем, я бы сразу и сказал – чем!

Диана только вздохнула и покачала головой.

Но я своим ощущения верю больше, чем ее словам.

– И все-таки финт был другим. Я прекрасно это помню. Сотрясение мозга было у вас, а не у меня.

– Влад... В ту ночь не только я была напугана. А у страха, как известно, глаза велики.

– Когда я спустился к вам в подвал второй раз, я уже не был напуган.

– Ах, прощу прощения, – она снова улыбнулась, снисходительно, будто играла веревочкой с неуклюжим щенком. – Я говорила не столько о страхе, сколько об испуге при встрече с непривычным. В ту ночь вы впервые отведали моего обращения. А все новое сперва, пока не разберешься и не обвыкнешься, кажется сложнее, чем есть на самом деле. Теперь же, когда вы выучили мою манеру, все кажется вам проще.

Кажется...

Мне кажется, что чего-то ты не договариваешь...

А, к черту все это! Что толку от этих занятий, если я не отыщу способ найти *ту* чертову суку? Способ найти ее *незаметно*.

Нельзя ее всполошить. А сейчас она настороже. Она ждет меня. Не просто так она выставила слуг в Смоленске, ох, не просто так... Ее пурпурные и так-то ребята не промах, а сейчас внимательны вдвойне. Пытаться следить за ними, чтобы выйти на их гнездо – самоубийство. Если уж Гош не смог...

Впрочем, одна ниточка еще остается. В том морге у них было что-то серьезное. Три жабы сразу.

Одну я убил, но две молоденькие остались. И обе – с явными следами хозяйки. Из того же гнезда, что и пурпурные. Там и чертова сука, что оплела их всех невидимой паутиной...

Молоденьких жаб охраняют, но всего двое пурпурных. А сами жабки... даром паучих залезать в чужие головы они не обладают, внимательности пурпурных тоже нет. Если как-то удастся зацепиться за этих жабок, проскользнув мимо пурпурных...

Что там, внутри пристройки?

Не хотел я туда соваться, но теперь, видно, не избежать.

У них там было что-то серьезное. Значит, должны туда вернуться и после того, как я убил ту третью жабу.

Вернутся. Может быть, вдвоем. А может быть, снова втроем. С еще одной жабой, которой я прежде не видел...

Три жабы. В одном месте.

Я усмехнулся.

– Чему вы смеетесь, Влад? – нахмурилась Диана. – К чему эта улыбка висельника?..

Да, висельника. Лезть в пристройку к трем жабам – уж проще сразу в петлю. Но есть ли у меня другой выход? Это последняя ниточка...

+++

После двух дней на «мерине» родной «козленок» казался странным, угловатым и каким-то недоделанным.

– Все равно тебя не брошу, потому что ты хороший...

А кроме того, на «мерине» туда и не подъедешь. Не того масштаба городишко. Сразу в глаза бросится.

Я достал из бардачка карты. Из стопки моих выпала и карта Гоша – с пометками, как добраться к дому жабы. Внутренний карман плаща, где лежала записка Гоша, словно налился тяжестью.

Никуда не суйся.

Я засунул карту Гоша в бардачок, развернул свою.

Сначала зелень и черные линии прыгали перед глазами, но затем я заставил себя успокоиться. Нашел то место, и минут за двадцать запомнил все, что было нужно. Завел «козленка» и стал разворачиваться.

+++

Карты, как всегда, ввали.

Я убил два часа, прежде чем смог подобраться к городку с юго-востока... То есть надеюсь, что теперь выбрался. Если не ошибся, пока крутился по проселочным дорожкам и едва приметным просекам, давно заросшим березовым молодняком.

Дальше кусты встали сплошной стеной, проехать невозможно. Да и не стоит, пожалуй. До городка меньше версты осталось. Если я не заплутал...

Я вылез из машины и пошел через лес. Ветви впереди редели, показались крыши домов. Метров через сто я пересек просеку – и дальше старых деревьев не было, лишь разросшийся молодняк.

Да, это и есть тот пустырь за больницей... Саму ее, правда, еще не видно. Как и морга за ней. И пристройки.

Но уже близко.

Последняя ниточка...

И – как знать, не оборвется ли вместе с этой ниточкой – и ниточка моей жизни...

Меня колотило мелкой дрожью. Я постоял, пытаюсь успокоиться. Закрыв глаза, изо всех сил прислушиваясь – не шевельнется ли предчувствие.

Но оно молчало. И я чувствовал себя странно голым. Молчит ли предчувствие? Или вообще покинуло меня?

Нет, нет! Некуда было ему деваться. Когда два дня назад я ездил к дому Старика, предчувствие молчало – и все вышло удачно, ничего со мной не случилось.

Но, может быть, оно молчало – потому что ушло. А что все прошло нормально – так это просто совпадение. Потому что *на том* пустыре никого не оказалось. Сглупили пурпурные. А если бы они там были...

Я потер лицо ладонями, зажмурился до рези в глазах. Выдавил из себя эти предательские мыслишки и сосредоточился, как перед касанием чертовой суки.

Подавить все эмоции. Выровнять их, как ряд клавиш рояля. Все отжаты.

Чтобы внутри – все тихо. Тихо-тихо. Вот так, да.

Теперь можно открыть глаза и двигаться дальше. Медленно. Прислушиваясь к далеким шумам городка. К тому, как ветер ворошит голые прутья. Только ли ветер?..

Я сделал длинный крюк вправо, потом влево – не хочу, чтобы кто-то оказался за спиной, когда я буду думать только о том, что впереди.

Но в ушах – лишь шум ветра да легкий шелест ветвей – от ветра же. Когда раздвигает кусты спешащий человек, звук дугой. И перед глазами скользили только черные прутья кустов. И предчувствие молчало. Никого.

Тогда я двинулся вперед. Еще медленнее. Этот пустырь – самое подозрительное место вокруг. Если кто-то из пурпурных днем следит за больницей, моргом и пристройкой, должен поглядывать сюда. Не качнется ли ветка, и не мелькнет ли в черных кустах белое пятно лица... .

У меня ушло десять минут, прежде чем я добрался до нужного места, вытащил из кармана зеркальце и осторожно поднял его в просвет между ветвями кустов. Покрутил, ловя нужное направление... .

Я крутил зеркальце так и эдак, но попадал куда-то не туда. Я прекрасно помню задник больничных корпусов. Мы с Гошем проезжали совсем рядом, а потом я несколько дней следил за пристройкой. Точно с того места, где стоял сейчас.

Но в крошечном зеркальце все было развернуто, и еще мешались прутья кустов. Ни черта не понять, где там пристройка! Словно вообще в другое место приехал! А здесь нет ничего. Ни стены малинового кирпича, ни красной черепицы... .

Прошло минут пять, прежде чем я понял, что пристройки и в самом деле нет.

Я убрал зеркальце, выбрался на ухабину повыше и выглянул поверх кустов.

Фонарики, на причудливых литых столбиках, остались. Осталась и мощеная площадка. А вот там, где была пристройка к моргу – лишь грязь, перемешанная со строительным мусором, из которой торчали столбы фундамента.

На стене морга остался силуэт пристройки: штукатурка отбита до старого желтого кирпича, по краям дырки толстых дюбелей. А посередине – новая кладка, полтора на два метра. Из хорошо знакомого плотного малинового кирпича.

Вот она, дверь, через которую я надеялся забраться внутрь. Сначала просто осмотреться и уйти. А потом, ночью, когда они все приедут, пурпурные проверят домик и уйдут, и чертовы суки останутся одни, я бы через морг вошел в эту дверь... .

Уже не скрываясь, я выбрался из кустов и побрел прочь, вниз по угольно-черной дороге из свежего асфальта, чистенькой, без единой трещинки.

В голове было пусто.

Шлагбаум перед выездом на шоссе остался. Но красные диоды сейчас не горели. Такой же мертвый, как и останки пристройки... .

Ноги сами принесли меня на стоянку чуть дальше по шоссе. В маленькую закусочную.

Здесь было тепло, здесь вкусно пахло, и здесь были живые люди. Я забрался на высокий табурет у стойки.

– Кофе.

– С сахаром, со сливками?

Я уже открыл рот, чтобы сказать да – на автомате, краем сознания, уйдя в то, что же мне теперь делать... .

И теперь словно вынырнул из сна. Без всякого кофе.

Женщина внимательно глядела на меня. Должно быть, вид у меня был малость не в себе.

– С сахаром, со сливками?

– Давайте и с тем, и с тем.

Пока она доливала сливок, я оглянулся. Маленький зал на четыре крошечных столика. Два из них были заняты. Веселая парочка и грустный мужик, уткнувшийся в журнал, разло-

женный между чашкой и блюдечком с пирожными. Но я глядел на столик в углу. Сейчас там было пусто, но...

Я быстро выпил кофе и зашагал по новой дороге обратно к больнице.

Свернул на пустырь и стал продираться через кусты, потом пошел через лес.

Минут через пятнадцать выбрался к «козленку». Завел мотор и уже на колесах стал выбираться из глуши по едва заметным просекам.

Чтобы выбраться на нормальную дорогу, а потом на то шоссе, к стоянке, потребуется солидный крюк. Но это даже хорошо... Мне есть, о чем подумать.

+++

На стоянке перед кафе я выключил мотор.

Посидел, слушая осеннюю тишину и шум редких машин, пролетающих к городку. Главное, не ошибиться. Это последняя ниточка.

Я достал из бардачка карту Гоша, развернул. Два кружка красным фломастером. Первый – там, где дом жабы. Второй – здесь, больница с моргом и пристройкой, которой больше нет. Между ними пунктир, как удобнее всего ехать.

Вроде бы, то, что нужно...

Я еще посидел, разглядывая карту. Потом свернул ее и бросил на боковое сиденье.

На потрепанном чехле пара ниток спустились, лежали тонкими серыми хвостиками. Надо будет поменять. Слушая, как влажный осенний ветер облизывает машину, я накручивал одну нитку на палец, скручивал...

Как бы сам Гош поступил на моем месте? Надеюсь, я все делаю верно. Надеюсь, он был бы мной доволен. Надеюсь.

Я резко выдохнул и решительно вылез из машины. Чему быть, того не миновать!

Бросив машину перед кафе, я вернулся на пустырь позади больницы.

У самой больницы мне ничего не нужно. Я не разглядывал морг, я просто закрыл глаза и расслабился. Выкинул мысли и сосредоточился на ощущениях. Пытался поймать предчувствие. То ощущение, что помогало ему пробудиться.

И скоро я разбудил это странное ощущение, отдался ему. Как сон наяву. Я не спал, но время скользило незаметно, а сам я стал частью этих кустов, слабого ветерка, прелого запаха и холодного воздуха... и очень хорошо почувствовал, когда в этом холодке появилось что-то другое. Теплое.

Предчувствие сработало четко, как поплавок, дрогнувший на блестящей глади. Я вздрогнул и открыл глаза.

И тут же потерял это ощущение инородного присутствия.

Я закрыл глаза и постарался вновь расслабиться и провалиться в это ощущение мира вокруг.

Очень внимательно прислушиваясь к себе.

К предчувствию...

Не один я на этом пустыре. Теперь я был уверен в этом. *Чувствовал* это. Кто-то был за мной, на дальнем краю пустыря.

Что заставляло меня чувствовать это? Может быть, какие-то звуки, которые я не мог различить сознательно, но в подсознание пробились и заставили напрячься. Может быть, такой же неуловимый сознанием, на разбудивший подсознание запах. Не знаю... Не знаю, что это было в действительности, но ощущал я это – как какой-то теплый комок за спиной... Шагах в тридцати и чуть слева.

Далеко, чтобы услышать крадущегося человека. Ветер налетал порывами сбоку. Тоже не должен был помочь мне, если бы это было из-за запаха. И все-таки я был уверен, что там кто-то есть. Может быть, гуляющий зверек. Кошка, белка или птица. Может быть.

Но мне хотелось верить, что это не белка и не птица. Стараясь не шуршать ветвями, я осторожно заскользил вперед, к краю пустыря, откуда уже можно разглядеть больницу и стену морга с отбитой штукатуркой и пятном свежей кладки.

Ощущение присутствия за спиной размазалось, ослабело... но когда я остановился в последних кустах пустыря, почти выйдя к моргу, – ощущение постепенно вернулось. Надвинулось вслед за мной, с задержкой.

Несколько минут я стоял, чувствуя его, а потом оно вдруг ослабело. Словно удалялось, удалялось, удалялось... И пропало. Совсем.

Я осторожно развернулся и двинулся назад, но ощущение теплого комка не возвращалось. Лишь пустота, прохладная пустота вокруг... Я поежился и закутался в плащ. Все-таки холодно.

Стоя посреди пустыря, я подождал минут двадцать, прислушиваясь к себе, но это было просто. Я замерз. Продрог так, будто не час здесь был, а целый день.

Еще минут десять я выдержал, а потом вернулся в машину. Включил мотор, задрал обогреватель на предел и посидел, впитывая тепло. Косясь на карту на пассажирском сиденье, но не решаясь ее трогать.

Охотник я давно, а вот ловец – первый раз. Нужно уметь не только забросить наживку, но еще и понять, заглотели ее или нет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.